



18+

Любить нельзя.
РАССТАТЬСЯ

Галина Милоградская

Галина Милоградская

Любить нельзя. Расстаться

«Автор»

2022

Милоградская Г.

Любить нельзя. Расстаться / Г. Милоградская — «Автор», 2022

Кап-кап-кап. Вода раздражала, каждой каплей — напоминание о том, что он не сделал. Не сказал. Пропустил. Каждая капля последние два года пустоты: встречи с друзьями без него. Вечера с детьми — без него. Пустая постель — опять задержался на работе. Когда-то она поддерживала. Понимала. Потом пыталась понять. Потом злилась. А потом... Пришло равнодушие. Никита растворился в работе, в чувстве долга. В этом весь он, ей бы понять раньше. Только это ничего бы не изменило. Света устала быть одна при живом муже, а для Никиты её решение о разводе как обухом по голове - он не хочет терять ни её, ни детей. Сергей погряз в семейной рутине, а тут Инна - бывшая одноклассница, яркая, живая, страстная. Искушение даже для самого верного человека. Три семьи на грани, три непростых пути: от развода к счастью, от счастья к разводу.

© Милоградская Г., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	34
Глава 12	37
Глава 13	41
Глава 14	45
Глава 15	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Галина Милоградская

Любить нельзя. Расстаться

Глава 1

Кап-кап-кап. Противный дребезжащий звук бил по нервам. Света сидела в темноте, не в силах даже подняться и закрутить грёбаный кран на кухне. Сухими глазами всматривалась в стену напротив стола. Там стоял комод – не надо его видеть, чтобы знать, что над ним висит несколько фотографий в рамках. Никита с друзьями. Их группа в универе. Они с Никитой под лепестками цветущей яблони – свадьба. Она с Алиной на руках – первый день дома. Он с Лёвой, а Алина подобралась сзади и пытается укусить отца за ухо. Никита в костюме, стоит у двери вполоборота – она сфотографировала, когда уходил: первый день на должности главного архитектора. И ещё много, много фотографий в альбомах, счастливая жизнь, которая в какой-то момент свернула не туда. Света зажмурилась, но слёз по-прежнему не было. Хроническая усталость была слабостью по мышцам.

Кап-кап-кап. Вода раздражала, каждой каплей – напоминание о том, что он не сделал. Не сказал. Пропустил. Каждая капля последние два года пустоты: встречи с друзьями без него. Вечера с детьми – без него. Пустая постель – опять задержался на работе. Когда-то она поддерживала. Понимала. Потом пыталась понять. Потом злилась. А потом... Пришло равнодушие. Никита растворился в работе, в чувстве долга. В этом весь он, ей бы понять раньше. Только это ничего бы не изменило.

Кап-кап-кап. Внутри было так пусто, что хотелось выть, да голос давно сорван. В криках, когда пыталась достучаться. В рыданиях в подушку, чтобы не услышали дети. В горьком шепоте наедине с собой. Не было ни голоса, ни сил, ни желания что-то продолжать. Она сломалась, смирилась. Закончилась. Скольжение ладони по гладкому столу – помнила, как выбирали его. Если напрячься, вспомнит весь тот день, солнечный, пропахший персиками. Только счастья не помнила. Не чувствовала.

Кап-кап-кап. Поворот ключа в замке, шелест одежды, стук – сейчас он снимает пальто, разувается. Почти бесшумные шаги – всегда умел подкрадываться незаметно. Застыл в проёме, щёлкнул выключателем. Света прищурилась, подняла воспалённые, красные глаза.

– Свет? – голос низкий, такой знакомый и теперь не вызывающий ничего. Даже злости. – Что-то случилось? Где дети?

– У мамы, – звук оцарапал пересохшее горло. Света сглотнула, подавилась комком, глядя на свои пальцы, лежащие на столешнице. Ровные, коротко стриженные ногти, покрасневшие сухие костяшки, обветренная кожа.

– Света? – Никита зазвучал настойчивей. Подошёл, остановился в паре шагов. Горько. Он больше не кладёт руку на макушку. Не обнимает крепко. Не шепчет: всё будет хорошо.

– Я хочу пожить одна, – уронила безжизненно, поднимая глаза. – Я так больше не могу.

– Почему? – только и смог спросить он, склоняя голову набок. Скрип зубов, злой выдох – даже сейчас он не проявлял особых эмоций. Сухой вопрос, почти риторический.

– Мне надо подумать, Никит. О нас с тобой.

– Света. – Первая эмоция – удивление – сменилась страхом. Она чувствовала его и молила, чтобы ничего больше не говорил. Потому что тогда не сможет – сломается. Наговорит обидного, резкого. Того, что думает, о том, кем он по сути не является. Не для других. Для неё.

– Пожалуйста, – выдохнула тихо. – Дай мне время.

– Хорошо. – Он смирился. Посмотрел не читаемо: фирменный взгляд, ни одной эмоции. – Я собираю вещи.

– Никита, – впервые за весь разговор она растерялась. – Это твой дом. Я поживу в старой квартире.

– Это *наш* дом, – отрезал Никита. – Уйду я. – Вдохнул: – Не спорь.

И больше ни слова. Обошёл её, по коридору в спальню. Слабо заскрипела дверь, царапая по нервам, вынуждая вжать голову в плечи. Света порывисто выдохнула, от напряжения свело шею.

Никита прикрыл дверь, прислонился к ней. По лицу рукой судорожно, глаза закрыть, стиснуть крепко. Больно. Упустил, не удержал, потерял. Осознание ударило наотмашь – знал. Ждал с тоскливой обречённостью, не в силах остановить. Не в силах замедлить. Шёл домой, думая лишь об одном – как скажет, что через две недели передаст Лёше пост главного городского архитектора. Как скажет, что всё исправит. Как скажет, что через месяц они поедут всей семьёй в Испанию, потому что так долго не были вместе.

Работа отняла так много и ничего не дала взамен. Он думал, справится, вместо этого как всегда всё испортил. Позволил отобрать у себя счастье, лишил себя самых дорогих людей. Света. Дочь. Сын. Столько тепла ему одному, незаслуженно. Знал, что когда-то это закончится, не думал только, что так быстро. Глупо надеялся успеть, сохранить, спасти.

Когда принимал должность не думал, что всё так обернётся. Сохранить, сберечь, приумножить: Никита хотел сделать для своего города всё и даже немного больше. И Света подерживала, радовалась, знала – иначе он не может. Даже у безграничного терпения есть свои границы...

Он понимал Свету, как можно на неё злиться? Не смог стать тем мужем, что ей нужен. Думал, будет лучше, но только испортил ей жизнь. Ей, Алине, Лёве. Воздух сухой, горький, Никита задыхался, пытаясь привести дыхание в норму, заставить сердце биться. Движения механические: достать чемодан, лежащий на верхней полке – сколько лет назад его не доставал? Положить несколько смен белья, носков, пару комплектов повседневной одежды. Не смотреть внутрь шкафа не получалось, взгляд против воли по её платьям, кончиками пальцев погладить тонкую ткань. Когда она в последний раз их надевала? Когда он вообще в последний раз видел её в чём-то, помимо больничной формы и домашнего?

Никита проскользнул в ванную, стараясь не шуметь, будто в доме поселился смертельно больной человек. Собрал бритвенные принадлежности, зубную щётку, шампунь. Не мог вспомнить, остались ли в старой квартире полотенца – мысли отвлекали, простые, о незначительном. Только не обводить взглядом ванную, не думать о том, что он уходит из дома. Из дома, в котором несколько недолгих лет был так оглушительно счастлив.

Вернулся в спальню, застыл перед кроватью. На тумбочке с его стороны – блокнот с заметками. Даже дома он с ним не расставался. Теперь не пригодится. С её стороны пустая кружка, блистер с таблетками, забытая резинка. Горло распухло, сердце пульсировало прямо в гортани. Никита решительно застегнул чемодан, вытащил ручку и вышел, не оглядываясь. Света сидела там же, в той же позе. Даже не повернулась. Хрупкая сгорбленная фигурка с поблекшим, тусклым хвостом некогда роскошных русских волос. И в этом тоже была его вина: в том, что давно перестал говорить, как она прекрасна.

– Свет, – голос хриплым карканьем протолкнулся из горла, – что мы скажем детям?

– Я сама с ними поговорю, – она по-прежнему смотрела прямо перед собой. – Позже. – Всё же решилась, подняла на него глаза, слотнула. И от этого звука, от того, как на её глазах вскипают предатели-слёзы у него подкосились колени. Но Никита стоял, держась из последних сил. Эмоции хлестали обжигающими плетями, вспарывая корку, которой успел обрасти за эти годы. Обещал защитить, обещал любить, обещал, обещал, обещал... Рука сама потянулась к её плечу, замерла на полпути. Он успел заметить горькую насмешку, потянул сухой воздух сквозь приоткрытые губы.

– Прости, – прошелестел еле слышно. Света вздрогнула, как от удара, резко обхватила себя за плечи, прикрыла глаза. Никита знал, что должен уйти, но не мог, не сказав главного. На выдохе: – Я люблю тебя.

Она сжалась сильнее, и Никита отпрянул, физически чувствуя, как рвутся натянутые между ними нити. Кивнул в пустоту, развернулся и вышел. Чемодан оглушительно грохотал по паркету, дребезжа по нервам. Поворот ключа, тихо-тихо прикрылась дверь. И пустота. Ушёл. Света сползла со стула, легла на пол, притягивая колени к груди. Скривила рот, беззвучно, сухо заплакала. Кап-кап-кап. Задребезжало, разбиваясь, сердце, осколками наружу с каждым выдохом.

Никита посмотрел на пустую комнату, поставил чемодан у двери и прошёл несколько шагов, прежде чем рухнуть на колени и затрястись. Терять всегда больно и всегда неожиданно. Терять по собственной вине больно вдвойне. Но сейчас ему не было больно – он чувствовал, что умирает. Что сердце, которое научилось любить и надеяться, разорвалось несколько минут назад, и их он провёл на чистом упрямстве. На привычке собирать себя по частям, когда небо обрушивается на голову. Больше не соберётся. Больше просто нет смысла.

Есть. Несколько глубоких, судорожных вдохов, пелена перед глазами, расплывающаяся кухня, светлое пятно от фонаря за окном. Есть дети, которых он не может оставить. Не имеет права. И есть надежда ещё увидеть Свету счастливой.

Глава 2

Ночь тянулась бесконечно. Две постели, два одиноких человека, добровольно загнавших себя в отчаяние. Самая красивая пара, по словам друзей. Самая счастливая семья, по шепоту завистников. Самая романтическая история любви. Оба думали об одном, думали и не находили ответ: почему они всё испортили?

Никита лежал на спине без движения. Только разулся, даже раздеваться не стал. Чемодан валялся где-то в гостиной, в голове – пустота с робкими проблесками солнечного света. Воспоминания, от которых не скрыться, как ни пытайся. Потерянное счастье, что теперь не подлежит восстановлению.

– Ты опоздал, – она улыбается, прикрывает ладонью глаза, щурясь от солнечных бликов, искрящихся на поверхности реки.

– Правда? Прости. Одна настойчивая старушка затянула меня в магазин, сказала, если не куплю у неё ничего, она разорится.

– И ты, конечно, помог ей, – скептически говорит Света, пытаясь разозлиться. Не получается. Они встречаются три месяца, а она до сих пор таит, когда слышит нелепые оправдания. Стоит только ему улыбнуться и прищурить тёмно-серые, грифельные глаза.

– Лучик, ты меня обижаешь! Я всегда помогаю милым старушкам! – Никита – сама невинность. Берёт её за руку и вдруг вкладывает в неё маленькую бархатную коробочку. – Если бы я не купил это, она точно пошла бы по миру.

– Что это? – голос Светы дрожит, глаза бегают от коробочки к его лицу и обратно.

– Доказательство того, что я никогда не вру, – всё ещё слегка обиженно говорит Никита, но тут же улыбается – эту улыбку она узнает, даже если его губы не дрогнут: она всегда отражается в его грифельных глазах. Он осторожно открывает крышку и ждёт, настороженно наблюдая за её реакцией.

– Никита, – шепчет Света, касаясь платинового ободка с квадратным изумрудом посередине. – Это... это что?

– Хм, – он смущённо трёт шею, – полагаю, это кольцо.

– Я вижу, что это кольцо. Что это?.. – Она поднимает сверкающий взгляд и тут же падает в его – серьёзный. Не отводя от неё глаз, он достаёт кольцо и надевает на безымянный палец.

– Ты согласна? – только и может выдавить он, пожалуй, впервые в жизни волнуясь настолько, что не может подобрать слова.

Несколько секунд Света смотрит на него, задышавшись от счастья. А потом, не обращая внимания на прохожих, идущих через мост, бросается ему на шею.

Света не знала, сколько прошло времени. Судя по ощущениям, уже глубокая ночь, а утром опять в больницу. Нехотя встала, шаркая ногами, побрела в ванную. Несколько минут смотрела на стакан, в котором стоит одинокая зубная щётка. Моргнула. В ушах снова собственный смех, рука сама потянулась к фарфоровой вазочке, в которой лежит обручальное кольцо – сняла его несколько дней назад, когда приняла окончательное решение. В отличие от помолвочного это простое, гладкое. Только внутри выгравировано: *Я всегда буду рядом*. Буквы крохотные, тонкая, действительно ювелирная работа. Это была его клятва, которую он дал только ей. Её звучала: *Я всегда в тебя верю*. Света провела по буквам кончиком пальца. Качнула головой и бросила кольцо обратно в вазочку. Они не сдержали своих обещаний. Оба.

Прислонившись к зеркалу лбом, Света стиснула зубы и глухо замычала. Больно. Сердце болело, словно она вживую оторвала от него огромный кусок. Глубоко вздохнув, она выпрямилась и посмотрела на своё отражение. Тусклая. Когда-то яркой была, улыбчивой, а сейчас потускнела. Всего тридцать три, а кажется, что все восемьдесят: некогда бывшие блестящими,

русые волосы стали блеклыми. Зелёные глаза как будто помутнели, и губы стали блеклой тонкой ниточкой. В этом тоже виноват Никита, или она сама перестала заботиться о себе, растворившись в семье и работе?..

Никита отвык просыпаться здесь, но давно привык просыпаться один. И понимание этого тонким лезвием в сердце. Он бы хотел до конца не верить, что это происходит на самом деле. Хотел бы, но не получалось. Слишком хорошо знает Свету. Помнит просьбы и слёзы, помнит свои обещания, которые ни разу не сдержал.

Последнее три недели назад: день рождения Лёвы, ему исполнилось десять. Света собрала всех его друзей, пригласила родных и близких, были все. Кроме него. Потому что именно в тот день прибыли партнёры, встреча с которыми постоянно срывалась. Никита хотел перенести, но не мог, а встреча была слишком важна для компании. Пока обменивались дежурными фразами, пока согласовывали детали контрактов, пока договаривались о сроках прошёл день. День, во время которого Никита даже не вспомнил о празднике в честь дня рождения сына. Только придя домой, увидел Свету, убирающую последствия праздника, и Лёву, одиноко сидящего на крыльце.

Чувство вины за последние годы стало настолько привычным, что Никита даже не обратил на него внимание. Пропустил сквозь себя, обогнул Свету, кивнув, стараясь не встречаться с обвиняющим взглядом, и сел рядом с сыном.

– Ты опять не пришёл! – характером Лёва пошёл в маму. Минимум контроля над эмоциями, максимум открытости и ранимости. Только выросл слишком быстро, тут сыграли роль явно гены Никиты. Уже один из лучших в кадетском корпусе, тайная гордость родителей.

– Ты же знаешь, – мягко произнёс Никита, кладя руку на его русую макушку, – у меня есть ответственность не только перед вами.

– Ты вечно твердишь об ответственности, но всегда забываешь о ней, когда дело касается нас! – закричал Лёва, сбросив его ладонь. Вскочил и, возвышаясь над отцом, бросил: – Лучше бы ты работал на заводе! Так у меня хотя бы был нормальный папа!

Стук его шагов ещё звучал по дому, когда на крыльцо вышла Света, вытирая руки белым полотенцем. Никита посмотрел на неё, устало вздохнул.

– Ты тоже хочешь сказать что-то подобное?

– Нет. – Она равнодушно посмотрела на него сверху-вниз. – Всё, что я хотела, уже давно сказала. Не вижу смысла повторять.

Они ещё побыли в тишине, прислушиваясь к первым трелям просыпающихся сверчков. Потом Никита встал и зашёл в дом. Чужой. Он чувствовал себя здесь чужим последнее время, и это чувство тяготило и высасывало силы. Место, куда раньше он бежал, забыв обо всём, теперь давило, а люди, которых он так любил, постепенно начали ненавидеть. Но Никита всё ещё надеялся исправить это. Правда, понятия не имел как.

Что ж, теперь он хотя бы знал, что окончательно опоздал. С этой мыслью открыл глаза и некоторое время лежал, глядя в покрытый сеткой трещин потолок. Надо собрать себя по частям и ехать в офис. Надо передать Лёше сотни списков, уточнений, указаний и правил, договоров, поправок и исключений, которые стоит учесть. Это действительно отнимало много времени, и Никита был малодушно рад, что сможет не думать о крахе собственной жизни хотя бы несколько часов. Но до этого всё-таки надо встать.

Он долго стоял под душем, вздрагивая от прохладных струй – вода в старых трубах остывала добиралась до верхнего этажа еле тёплой. Потом так же долго смотрел на себя в зеркало, пытаясь найти следы внутренней пустоты, которая за ночь поглотила полностью. Но там по-прежнему был лишь усталый сорока летний мужчина с тонкой сетью морщинок в уголках глаз, горькой складкой губ, бледной, давно не видевшей загара кожей. Всё тот же, а кажется, постарел на сто лет за десять часов.

Сквозь кухонное окно пробивались первые розовые лучи – рассветы уже ранние, ясные, солнечные. Скоро лето. Холодильник ожидаемо оказался пуст, но он сейчас и так не смог бы проглотить хоть что-то. Шарил по полкам в поисках чая, не надеясь его найти. Распахнул очередной шкафчик и застыл, глядя на простую жестяную банку с дешёвым растворимым кофе. Потянулся к ней, достал, не обращая внимания на то, как дрожит банка в руках.

По квартире плывёт запах дешёвого пережжённого кофе. Никита демонстративно морщится, ерошит волосы, заходя на кухню.

– Лучик, ты уверена, что эта бурда не убивает тебя?

– Ты слишком привередлив, – она показывает ему язык.

– Я просто слишком беспокоюсь за твоё здоровье, – не соглашается он и с сомнением смотрит на коричневую жидкость в её кружке.

Она ночует у него третий день подряд, и вчера в его кухне появилась жестянка с самым мерзким, по меркам Никиты, кофе.

– Ты просто совершенно не разбираешься в кофе, – бормочет она, делая глоток и жмурясь от удовольствия. Он не может не любоваться ею: босой, растрёпанной, в его старой растянутой безрукавке. Света с ногами сидит на табурете, одно колено возвышается над ухом. Уютно. Это так уютно – шутиливо пререкаться на маленькой кухне, глядя друг на друга счастливыми глазами.

– Света, – Никита склоняется над её ухом и кончиками пальцев проходится по округлой коленке, – поверь, я разбираюсь в кофе лучше всех. И это, – он резко выхватывает её кружку и выливает напиток в раковину, – отравя.

– Эй! – Света вскидывает возмущённый взгляд и едва не упирается носом в его нос. Никита широко улыбается и вдруг целует, сразу глубоко, влажно, притягивая за затылок.

– У него действительно мерзкий вкус, – выдыхает в губы. – Я сварю тебе самый вкусный кофе из всех, что ты когда-нибудь пила. Только позже.

Он подхватывает её со стула, перекидывает через плечо, не обращая внимания на приторно-возмущённые крики, и уверенно идёт в спальню.

– Тебе придётся очень постараться, чтобы я перестала обижаться за испорченный завтрак! – Света надувает губы, раскинувшись на кровати, куда он только что её бросил.

– Хм, – Никита трёт подбородок, окидывая её оценивающим взглядом. – Думаю, я смогу заставить тебя не жалеть о той бурде, которая точно испортит твой желудок.

– Тебе придётся очень постараться, – повторяет она, наблюдая, как он стягивает домашние штаны, и ахает, когда он ложится сверху и глубоко целует.

Кофе действительно мерзкий. Никита не знал, почему они так и не выкинули его, а сейчас, почти двенадцать лет спустя, он действительно был способен убить. Но выливать не хотелось, наоборот, он пил безвкусную, горько пахнущую жидкость, невидящим взглядом смотря в окно. И сам не замечал, как она приобретает лёгкий солоноватый привкус.

Глава 3

Света забыла, как может быть тихо в доме. Той пугающей тишиной, когда ты наконец остаёшься наедине со своими мыслями и страхами, и некому забрать их, только и остаётся, что вариться в сомнениях – всё ли сделала правильно? Первый день без Никиты прошёл на удивление... пусто. Она настолько вымоталась за дни, когда думала об их разговоре и его возможной реакции, так накрутила себя, что сейчас пришло блаженное забвение. Казалось – вакуум, в который Света вдруг окунулась, будет окружать вечно. Полное безразличие после слёз, пустота и оглушительная, звенящая тишина, которая бывает первые минуты после взрыва. Когда ещё не успел оценить ущерб и увидеть последствия, и всё ещё лежишь, оглушённый, на земле, не чувствуя тела.

Этот первый день, самый первый из десятков, которые теперь ждали впереди, не запомнился ничем. Света ходила, говорила, слушала, даже что-то ела, вспомнить бы только что. А потом вдруг замирала, уставившись прямо перед собой, застывала посреди разговора, проваливаясь в липкое ничто. Только к вечеру, когда за ней закрылась дверь пустого дома, постепенно начало приходить осознание: он не придёт. Дети по-прежнему были у мамы, но вернутся завтра, и надо будет объяснять, делать вид, что для них ничего не изменилось, врать, зная, что их жизнь тоже теперь станет другой.

Устало опустившись на стул на кухне, Света внимательно посмотрела вокруг: нет смысла что-то готовить. Сегодня не для кого. У Алины через год выпускной, она перейдёт в старшую школу, Лёва постоянно пропадает с друзьями на компьютерных курсах. А она... осталась совершенно одна. Это хорошо или плохо, почему ей до сих пор никто не объяснил? Где та грань, перейдя которую станет легче? Почему нельзя уснуть и проснуться через год, оставив всё в прошлом?

В это время года солнце всегда садилось прямо за их задним двором, заливая всё ярким, сочным, оранжевым. Взгляд рассеянно заскользил по кухонным полкам, задержался на кружках, стоявших ровным рядком, невольно выпencil одну, его. Стоит отдать, наверное. Он вообще почти ничего не взял, дом всё ещё жил, дышал им, и Света чувствовала, как начинает задыхаться. От тяжести собственного решения и невозможности его изменить. Хотелось разбить эту кружку. Швырнуть через всю кухню, с мстительной радостью глядя на разлетающиеся осколки. Желание что-то уничтожить, сломать, сжечь запустило сердце, и то сорвалось на бег, заставляя давиться воздухом. Где-то в глубине души она ждала, что он будет спорить. Что начнёт уговаривать, просить, убеждать. Только сейчас, глядя на простую дурацкую кружку с любимым героем из комиксов, пришла злость, дрожью прошла по нервам. Как давно ему стало всё равно? Как долго он ждал, что она попросит о разрыве сама, сколько сам думал об этом? Сделал её виноватой в том, что семья распалась! Кого из них теперь сделают жертвой, а кого – преступником?

Крепко сжав кулаки, Света прижалась к ним полыхающим лбом, попыталась дышать медленней, но воздух сухими горькими выдохами толкался из лёгких, а пружина внутри всё сжималась, сжималась, до глухой ноющей боли под сердцем. Переживёт. И не такое переживала. С этими мыслями Света заставила себя переодеться, разогрела вчерашний ужин и, забравшись с ногами на диван, включила телевизор. Казалось бы – мелочь, она так часто проводила подобные вечера в одиночестве. Но тогда ждала, ждала постоянно, то с надеждой, то с раздражением. Накручивала себя, заводясь, стоило ему переступить порог, или наоборот – бросалась через весь дом навстречу, крепко обнимая. Теперь ждать было некого, пришла пора привыкать к новому чувству. Чувству свободы от собственных эмоций, превративших в робота, живущего чужими потребностями. Свободы ли?.. Свете очень хотелось верить, что да.

Она думала, что подготовится к разговору с детьми к вечеру, но весь следующий день снова прошёл в полусне. Ледяные пальцы отказывались гнуться, приходилось постоянно дуть на них, пытаясь хоть как-то согреть. Света постоянно дрожала, кутаясь в тонкий плед, давно поселившийся в одном из шкафов, не обращая внимания на недоуменные взгляды заглядывавших в кабинет врачей. Поговорить с детьми. И что им сказать? Они даже с Никитой толком поговорить не смогли, ничего ещё не решили, ни о чём не договорились. Конечно, правильнее было для начала обсудить всё с ним. Она просила время, а не развод, просто время. Сейчас, выуживая по крупицам их последний разговор из затуманенной памяти, Света понимала, что не сказала главного. Но ещё больше не понимала, что именно для них сейчас является главным. Прижав подрагивающие ледяные ладони к полыхающим щекам, она медленно прикрыла глаза и вздохнула.

– Хорошо, что ты на месте! До тебя не дозвонишься, ты чего трубку не берёшь?! Свет, эй, ты в порядке?

Инна, влетевшая в кабинет в тонком шлейфе духов и солнца, удивлённо посмотрела на закутанную по самый подбородок Свету.

– Ты опять таскаешься на работу больная? Сколько тебе раз говорить, Лобастая: никакая больница не стоит твоего собственного здоровья! Ну посмотри на себя! Сейчас же собирайся, отведу тебя домой. И не смей спорить, у тебя на лице написано: дайте мне отлежаться, сволочи!

Инна была Светиным ангелом-хранителем, не иначе. И выглядела как ангел: высокая, стройная, с длинным хвостом густых золотых волос и глазами поразительного, бирюзового цвета. С первого класса, как только их посадили за одну парту, подруги стали неразлучны. Всякое бывало: ссорились так, что решали – это навсегда. А потом мирились и рыдали на плече друг друга. Ей первой Света призналась, что влюбилась в Никиту: высокого, красивого офицера, которого привезли в госпиталь, где Света проходила первую практику в медицинском колледже. Инна первая узнавала всё о том, как развиваются их отношения, была свидетельницей на свадьбе, а после крестила Алину.

– Инна, – Света устало вздохнула и подтянула к себе кружку с давно остывшим чаем, – я не болею. И мне не надо отдыхать. Просто плохо спала.

– Вы поругались с Никитой? – неожиданно серьёзно спросила Инна. Испуганно моргнув, Света тут же выпрямилась. Вот и первый вопрос, на который она толком не знает ответ. И таких вопросов теперь будет множество, от всех знакомых, друзей, родных. Что им говорить? Паника взвилась пульсом в висках, сузила зрачки в две крохотных точки.

– Понятно, – констатировала Инна. – Из-за чего на этот раз? Знаешь, я бы на твоём месте радовалась, что скоро он вернётся домой, а не скандалы устраивала.

– Вернётся домой? – слабым голосом повторила Света. – Почему вернётся?..

– Ну, как, ты же сама вечно жаловалась, что должность генерального директора отбирает у тебя мужа. Конечно, когда Лёшка займёт наконец своё место, Никите придётся некоторое время провести рядом, но не думаю, что теперь он будет так загружен.

– Д-да, ты права. Пожалуй, теперь времени у него будет больше. – Света уставилась в стену за спиной Инны, пока мысли лихорадочно перескакивали с одной на другую, не давая сосредоточиться.

– Слушай, иди-ка ты лучше домой, – Инна перегнулась через стол и сжала её ладонь. – Ты явно начинаешь болеть, отоспись, а то сама на себя не похожа.

– Ты права, – бесцветно протянула Света, поднимаясь. – Да, я именно сейчас пойду домой. Посплю. Мне очень надо домой.

– Я всё же тебя провожу.

С тревогой наблюдавшая за ней Инна поднялась следом. Но Света взмахнула рукой, нашла в себе силы улыбнуться. Впила ногтями в ладонь – привести в чувство, собраться.

– Не волнуйся, до дома я смогу добраться сама. Правда. Спасибо за заботу. Думаю, на выходных обязательно надо будет встретиться, давно мы не собирались.

– Вчетвером?

– Вдвоём. – В этот раз улыбка вышла искренней, возможно, потому что была грустной. – Никита и Руслан не лучшие собеседники для такой узкой компании.

– Ты права, – Инна вздохнула своим мыслям. – Тогда до субботы?

Глава 4

Оказавшись на улице, Света растерянно застыла: яркое солнце, нежная сочная зелень первых листочков, в воздухе – аромат цветущих деревьев, тонкий, едва уловимый. Отчего она думала, что здесь так же темно и холодно, как у неё внутри? Тёплые лучи коснулись кожи, разбились о ледяную пустоту в груди, отпрянули, не согревая, раздражающие, назойливые. Шаг, за ним ещё один, и Света практически побежала к дороге. Поймала такси и назвала адрес офиса Никиты. Влетела по ступеням, не дожидаясь лифта, не обращая внимание на встречающих сотрудников, вышедших на лестничную клетку покурить, остановилась только у дверей в кабинет.

– Нам надо поговорить, – без предисловий начала Света, не замечая Сергея – финансового аналитика компании, тенью замершего у окна. Высокий, с тёмными волосами, собранными в короткий низкий хвост, с резкими, хищными даже чертами лица Сергей бы разбил сотни сердец, если бы не собственная лень и не жена, коршуном следящая за ним...

Никита поднял на неё глаза: зеркальное отражение собственного взгляда, поглотившая внутри пустота. Слабо кивнул, и Сергей тут же вышел, бросив короткий внимательный взгляд на Свету. Едва за ним закрылась дверь, Никита со вздохом откинулся в кресле, с силой сжимая переносицу. Почему при виде её он моментально начинает чувствовать себя виноватым? Ждёт упрёков и заранее сжимается, зная, что их не избежать. Даже сейчас всколыхнувшееся, ожившее сердце тут же застыло, стоило первым словам слететь с губ. Чёрт, как же он устал быть виноватым!

– Когда ты собирался мне сказать? – голос зазвенел, дрожа высокими нотами.

– Позавчера. – Никита открыл глаза и в упор посмотрел на неё. – Я собирался сказать позавчера, но решил, что в этом нет смысла. Не в тот момент.

– Значит, то, что ты снимаешь полномочия, по-твоему, меня не должно волновать? – Света искренне не хотела ругаться. Давно уже себе пообещала, что не будет – бесполезно, пустая трата нервов. Но сейчас, глядя на него, собранного, спокойного, *почти равнодушного*, кровь прилила к голове, розовой пеленой заволокла глаза.

– Скажи, Свет, только честно, это многое бы изменило в твоём решении? – спина медленно, с хрустом, выпрямилась, дёрнулись мышцы на шее, под кожей волной прошлись желваки.

– Не думаю, что сейчас есть смысл об этом говорить, – упрямо мотнула головой Света.

– Да ну? – Никита тяжело опёрся о стол, поднялся, выдохнул зло: – А мне бы всё же хотелось услышать ответ.

– Не знаю. – Света пожевала губу, невольно опуская взгляд. Обвинять сюда пришла она, тогда почему же он ведёт себя так, будто ни в чём не виноват? Как ему всегда это удаётся: заставить чувствовать себя истеричкой?

– Значит, ты бы не стала просить меня уйти, если бы узнала, что я уйду с поста, – задумчиво, будто с самим собой, заговорил Никита, медленно обходя стол, но двигаясь не навстречу, вглубь кабинета, к окну. Отвернувшись, он посмотрел город вниз, руки сами собой нырнули в карманы. – А если бы я не ушёл, твоё решение осталось бы неизменным, – добавил тихо.

– Может быть, – спокойно ответила Света, глядя на разворот его плеч, сведённых судорогой напряжения.

– Для тебя это совсем ничего не значит, да? – ещё тише спросил он. – Всё, что я делал эти годы, для тебя не значит ничего, – повторил, медленно поворачиваясь, склоняя голову набок. Тонкая, хрупкая, нежная – ещё утром хотелось ворваться в больницу, стиснуть её в своих руках, сказать, что никуда не уйдёт, потому что не знает, как без неё жить. Сейчас, глядя

на упрямо вздёрнутый подбородок и то, как уверенно, с вызовом, она на него смотрит, Никита чувствовал лишь пережеванную в труху усталость, осевшую на губах.

– Ты знаешь мой ответ. Работа всегда была для тебя на первом месте. Всегда.

– Странно, что тебя это удивляет. После стольких лет. – А у него больше не было сил удивляться. Только горькая обида на то, что самый близкий и родной человек так и не смог его понять до конца.

– Я не думала, что будет так... тяжело. – Света обхватила себя руками. – Не думала, что, даже выйдя за тебя замуж, останусь на втором месте.

– Мы проходили это не раз, Света. И не два, и даже не десять. Вы с детьми – главное, что было, есть и будет в моей жизни. Но служба, а потом эта работа – это вся моя жизнь.

– Даже сейчас, когда наш брак рушится, для тебя мы не на первом месте! Вот что это значит для меня! Ты можешь сколько угодно говорить о долге, но почему ты всегда ставил его превыше семьи?

– К чему ты меня всегда ревновала? К долгу? Я никогда не возмущался, когда ты задерживалась в больнице, когда оставалась на ночь, не предупреждая, когда забывала обо всём ради работы. Я всегда понимал, как это важно для тебя! Ты всегда говоришь только о своих чувствах, только о том, как тяжело тебе, а ты хотя бы раз подумала, что чувствую я?! Хотя бы один раз попыталась представить, каково мне жертвовать вами ради других, ради спокойствия чужих семей, ради их благополучия?! Думала, это давалось легко? Когда ты в последний раз спрашивала, как у меня дела, когда в последний раз заходила сюда, чтобы просто поговорить, посидеть рядом? Чёрт!

Он осёкся, давясь вдохом, глядя в широко распахнутые глаза. Сорвался, а ведь обещал себе – ни слова упрёка она от него не услышит. Перемалывал всё внутри, варился в собственном соку, не давал понять, как тяжело. Откуда она могла узнать, как догадаться?.. Но знакомое чувство вины тут же погасло, стоило ей заговорить.

– Хочешь сказать, я не пыталась? Не пыталась с тобой поговорить, узнать, поддержать? Ты же всё время отшучивался! Ты никогда не пытался быть серьёзным, когда говорил о работе, никогда! Все эти твои «ничего страшного, Света», «всё в порядке, Света», «тебе показалось, я не устал»... Каждый раз я натыкалась на стену из отговорок! Твою мать, порой мне казалось, что даже Марк мог быть более многословен!

– Пожалуй, тебе с самого начала надо было уйти к Марку. Уверен, сейчас у вас была бы счастливая, крепкая семья! – Никита выплюнул это с неожиданным для себя сарказмом, буквально подавился ядом. Сердце грохотало, адреналин нёсся по венам, смешиваясь с чистой обидой, вплеснувшей наконец наружу. Она опять его не слышала, а он, видимо, не слышал её. Когда они начали разговаривать на разных языках?..

– Может быть, – Света прищурилась. – Что ж, по крайней мере сейчас я ясно вижу, что приняла правильное решение.

Взгляд Никиты скользнул по её руке, зацепился за бледный ободок незагорелой кожи на безымянном пальце. Губы дрогнули, пришлось сжать их, стиснуть челюсть крепко, хрустнув зубами.

– Я рад, что хоть кто-то из нас поступает правильно, – сухо бросил он. Вновь отвернулся к окну, спросил холодно: – Ты уже сказала детям?

– Сегодня вечером скажу, – в груди стало так горячо, что подумалось – можно не напрягаться, чтобы сжечь его огненным облаком.

– Хорошо. Это всё?

Света вздрогнула, два слова – хлёсткий удар, крепче пощёчины по сердцу. Молча кивнула и вышла, прикрыв за собой дверь. Не глядя на застывших сотрудников, мимо Сергея, сидевшего на ближайшем подоконнике. Дальше от офиса, от его тени, от всего, что он у неё отнял и продолжает отнимать. Сможет она вернуть хотя бы часть, хотя бы возможность просто

нормально общаться с Никитой без желания ранить больше, желательно – смертельно, чтобы он чувствовал то же, чтобы так же задыхался, глядя на неё? По пути Света достала телефон – позвонить маме. Она просто не сможет сегодня ничего сказать детям, завтра. Пусть всё будет завтра, а сегодня вернуться в пустоту родного дома, свернуться клубком под одеялом и развалиться на части.

Глава 5

Оставшись один, Никита не шелохнулся, глядя на улицу вниз, но как только Света вышла из здания, отпрянул, будто она могла его увидеть. Попятился, упираясь в стол, машинально потёр грудь, надеясь прогнать назойливую боль за рёбрами. Плечи опустились – слишком тяжело вдруг стало держать их прямо. Согнулись позвонки, искривляя спину в вопросе – почему? Почему и что он всё-таки сделал не так? Ставшая неподъёмной голова склонилась вниз, непреодолимое желание лечь, сжаться в комок, скрыться ото всех задрожало в мышцах. Никита прерывисто вздохнул и с силой потёр глаза, выпрямился за секунду до того, как вошёл Сергей.

– Там Лёша пришёл, – тихо сказал он.

Не хотел подслушивать, но надо быть глухим, чтобы не расслышать каждое слово. Сейчас, глядя на Никиту, он понимал его так отчётливо, что это даже пугало. Собственные скандалы, уже давно ставшие привычными, показались чем-то обыденным, напрягающим, да, но не настолько болезненным. Тамара никогда не отличалась кротким нравом, порой Сергею казалось, что он специально выбрал женщину, настолько похожую характером на его мать. Взрывная восточная принцесса с кошачьим взглядом постоянно сводила с ума: своим умением устраивать ссоры на пустом месте и тут же мириться так горячо, что хотелось поссориться снова. Поначалу это увлекало, притягивало, держало так крепко, что Сергей не сразу понял – привык. Привык и даже не заметил, как сильно напрягают такие качели. Что порой хочет прийти домой и просто посидеть в тишине, а не выслушивать несуществующие упрёки по выдуманным причинам. Глядя на склонённую над столом голову Никиты Сергей тоскливо подумал – что будет с ним, с его семьей, если они не перестанут жить так, в вечном напряжении? Такое же одиночество, неизбежное и болезненное расставание? Он любил жену, но разве Никита не любит Свету? Твёрдо решив, что обязательно подумает над этой проблемой и найдёт решение до того, как его брак пойдёт на дно, Сергей повернулся к вошедшему Лёше.

Город переливался внизу всеми цветами радуги. Высокие дома, яркие огни неоновых вывесок, грохот колёс, когда поезд проезжал по мосту – Никита смотрел на него, не чувствуя злых порывов ветра, налетавшего с гор. Стоя на смотровой площадке, он отхлёбывал из бутылки терпкий виски – подарок одного из партнёров, больше года пылившийся в ящике стола. Полы длинного чёрного пальто хлопали, подхваченные ветром, шарф развевался белой птицей. Если присмотреться, он мог бы назвать каждое здание, каждую улицу, отстроенную заново. Каждую школу, высокий кадетский корпус, новенькие спортивные площадки. Там, внизу, он создал целую жизнь для каждого. Помогал, вникал, спорил и строил, подписывал и запрещал, выбивал и уговаривал. Сколько раз приходилось срывать голос до хрипоты, доказывая, что провести новую железнодорожную ветку важнее, чем направить деньги на развитие речного транспорта. Что лес нельзя трогать, а долину вдоль реки нужно и можно благоустроить, и сделать удобную набережную. Что...

Новый глоток обжёг, виски хлынул не в то горло, заставляя закашляться. Смахнув выступившие слёзы, Никита шмыгнул носом и запил собственную гордость. Как оказалось, гордиться ему как раз нечем. Где-то там, внизу, в темноте квартала одинаковых особняков, стоял его дом. Где-то там Света сейчас пыталась объяснить детям, почему папа больше не живёт с ними. И Никита даже не пытался представить этот разговор – слишком больно. Какие бы он нашёл слова, чтобы объяснить, почему семья вдруг развалилась на две неравные половины?

Слова Светы жгли кости – он слышал их раньше. Слышал много раз, порой отшучивался, реже – кричал. А сегодня они будто пробились сквозь стену и достигли самого дна сердца: все эти годы в должности главного архитектора города ничего, ничего для неё не значили. То, чем он гордился, оказалось неважным, ненужным. Виски забулькал в бутылке, опустошённой

больше, чем наполовину. Хотелось опьянеть, но холод, проникавший под одежду, разгонял любой хмель, оставлял лишь дубовое мягкое послевкусие на губах.

– Любуешься?

Генка сел рядом, молча потянулся к бутылке. Никита так же молча её отдал, дождался, когда друг сделает пару глотков, и забрал обратно.

– Думаешь, мне есть чем гордиться? – голос Никиты смешался с завыванием ветра. – Как считаешь, я был хорошим начальником?

– Что за мысли перед отставкой? – Генка хмыкнул, склонился, заглядывая в его лицо, нахмурился. – Если тебе это важно услышать, я считаю, ты был одним из лучших. Уже то, что уходишь в отставку, а не умираешь на посту, достижение.

Никита беззвучно хмыкнул и выпил. С сожалением поболтал в воздухе бутылкой, глядя на плескавшийся на дне виски.

– Что-то случилось?

– Нет... хотя... – Никита криво улыбнулся. – Да, случилось. Света сказала, что хочет пожить одна. Точнее, не одна. Хм. Без меня.

– Давно?

– Позавчера.

– Напугал, – Генка рассмеялся. – Я уж подумал, что всё серьёзно!

– Всё серьёзно, – пожал плечами Никита, вливая в себя остатки виски.

– И что ты собираешься делать? – Генка поднялся следом за Никитой, ежась под пронзительным ветром.

– Делать? Конкретно сейчас – вернуться домой и выпить.

– Тебе составить компанию?

– Давай не сегодня. – Слабо улыбнувшись, Никита кивнул другу и ушёл.

Наверное, стоило принять предложение: Генка всегда мог и выслушать, и помолчать, когда надо, и поддержать. Служба в армии превратила их в лучших друзей, ближе не найти. Весёлый, остроумный, Генка покорял девушек хитрым прищуром зелёных глаз и улыбкой уличного кота. В противовес серьёзному, часто молчаливому Никите, чей образ девушки находили жутко романтичным. Романтичным. Никита горько хмыкнул, устраиваясь на заднем сиденье служебного автомобиля. Никакой романтики в нём нет. А если судить по словам Светы, в нём вообще не осталось ничего, кроме пустоты.

Пить накануне было плохой идеей: вместо блаженного забвения алкоголь погрузил в кишащую сожалениями и упрёками тьму. Никита ворочался на кровати, и каждое слово, сказанное Светой, впивалось под кожу, крутило кости. Хотелось выбросить их из головы, заполнить её другими воспоминаниями, светлыми, счастливыми, но ни одного не получалось вспомнить. Только холодность её взгляда, поджатые губы, неспособность его понять и влезть в его шкуру. Обида никуда не ушла, копилась под рёбрами, сбиваясь в тугую ком. Глядя на тёмный ободок обручального кольца, он снова и снова думал – сняла. Уже не считает его своим мужем? Уже начинает думать о будущем? Что, если рядом совсем скоро появится другой, у его детей другой отец, в её постели другой мужчина? При мысли об этом сердце сжималось в уже привычный, пульсирующий болью узел. Хотелось пожелать ей счастья, хотелось, но не получалось. Никита понимал: это низко, жалко – представлять, что ей также больно, как и ему. Представлять, как она появится на его пороге и скажет, что пора возвращаться. Ещё ни разу в жизни он не чувствовал себя таким раздавленным, и морально, и физически. Буквально неспособным сделать хоть что-то, чтобы остановить обрушение собственной жизни.

К утру он наконец забылся тревожным, поверхностным сном, и проснулся с первыми же лучами солнца и головной болью, пульсирующей в висках. Не открывая глаз, повернулся набок, шевельнулась вялая мысль: надо попросить Свету принести таблетку. Наверняка она будет опять ворчать, что надо было меньше пить. Никита даже протянул руку, чтобы коснуться

её плеча, и только тогда проснулся окончательно. Кожи коснулась холодная простыня, взгляд упёрся в пустой подоконник. Когда-то здесь стояла фотография его армейских друзей, сейчас не осталось даже её: всё теперь принадлежало Свете. Можно было прийти и забрать: свои фотографии, свои вещи, мелочи, которые скопились за годы. Но Никита не мог заставить себя сделать это, поставить окончательную точку и убить слабую, ещё трепыхающуюся надежду.

Глава 6

Что Света сказала детям, как они приняли эту новость – весь день он мог думать только об этом, и когда понял, что сосредоточиться не получается, со вздохом отложил бумаги и посмотрел на Сергея.

– Мне надо уйти. Справишься сам?

– Скоро придёт Лёша, – Сергей покосился на висящие на стене часы, – так что идите.

Он наблюдал за Никитой с самого утра: на то, как застывает его взгляд, упираясь в невидимую точку, как он пытается не вздохнуть так явно, как трёт покрасневшие глаза и нервными, безотчётными жестами разглаживает листы на столе. Делал вид, что не замечает, но мысленно постоянно сравнивал его с собой, пытаясь представить: что делал бы сам, реши Тамара уйти.

Вчера он шёл домой, представляя, как обнимет её и скажет, что любит. Пытался вспомнить, когда вообще в последний раз это говорил, и с каждым шагом, приближающим к дому, понимал, что не может найти даже отголосок трепета, которым всегда наполнялся, стоило подумать о ней. Внутри всё молчало, словно Тамара – не любимая, а, скорее, сестра. Член семьи, которого надо любить, к которому надо что-то чувствовать. Она не ждала. Не обернулась даже, когда он вошёл на кухню. Только раздражённо повела плечом, почувствовав его руки на своей талии. Сергей мягко поцеловал её в висок, потёрся носом о щеку и прошептал:

– Я соскучился.

– У меня сейчас всё пригорит. – Тамара выпуталась из его объятий и продолжила помешивать овощи на сковороде. Покорно отступив, Сергей прислонился к столу и сложил руки на груди. Округлые бёдра, едва прикрытые короткой юбкой, тонкая сетка бриджей, изгиб спины и задорные чёрные хвостики, подрагивающие в такт её движениям – до крохотной мелочи родное, знакомое, домашнее. Он снова шагнул к ней, потянул узел, на который был завязан кухонный фартук, игриво поцеловал в плечо.

– Том, я же вижу, что уже всё готово, хватит делать вид, что занята.

Притянув её к себе, он нырнул подмышки, накрыл грудь, мягко сжал и прихватил губами ухо.

– Скоро Даня вернётся. – Тамара попыталась вырваться, но Сергей потянулся, выключил газ под сковородкой и пробормотал, скользя губами по шее:

– Он остался с ночёвкой у Славы. Звонил час назад отпроситься.

– А мне он, значит, сказать об этом не смог! – раздражённо фыркнула Тамара, сбросив его руки. – Боялся, что не отпущу, и правильно делал: с его оценками только гулять!

– Пусть отдохнёт, – великодушно махнул рукой Сергей и притянул её к себе одной рукой. – Нам тоже не помешает немного расслабиться.

– Ты умеешь думать о чём-нибудь другом? – Тамара наконец улыбнулась, обвивая его шею.

– Когда мы одни – нет.

Сергей не стал дожидаться перемены в её настроении, просто посадил на стол и впился в губы, гася в зародыше все возможные возражения. Тамара слабо ахнула ему в рот, обвила ногами и расстегнула пиджак, рваными движениями стаскивая его с плеч. Но стоило Сергею начать выцеловывать линию её челюсти, спускаясь к шее, как она застыла, взяла его лицо в ладони и заставила посмотреть на себя.

– Может, для начала примешь душ?

– От меня чем-то воняет?

– Нет, просто... – Тамара усмехнулась, – ты весь день провёл на работе, не мешало бы освежиться.

– Я хотел освежиться с тобой. Потом. – Сергей раздражённо вздохнул и потёр подбородок – весь настрой куда-то пропал, как не было. – Когда-то тебя могло остановить только землетрясение, а сейчас смущает то, что я в последний раз принимал душ утром.

– Семейная жизнь – сплошная скука, – Тамара потянулась к его губам, но он отпрянул.

– Ты права, лучше и правда помыться. Но сначала покурю. – Он слабо улыбнулся.

Только на балконе перевёл дух – дышал через раз всё это время. Тряхнул пачку, вытащил сигарету и щёлкнул зажигалкой, делая первую затяжку. Раньше не обращал внимание, но сейчас понял отчётливо, ясно: с его браком давно всё неладно. Десять лет назад мог ли подумать, что предел мечтаний – жить с кем-то, давно ставшим чужим, жить, плывя по течению, не пытаясь что-то изменить? Такая жизнь была у отца? Того ли хотел он для себя? Прикрыв глаза, Сергей медленно выдохнул, глядя, как дым рассеивается в свете от окна. Нет. Не хотел, но был ли смысл трепыхаться? Он уже завяз в этом, не понимал даже как, но проваливался долго, и теперь уж точно навсегда. Чувствовала ли Тамара то же, что и он? Сожалела ли, или, может, не замечала? И что вообще плохого в происходящем, ведь оба вполне довольны жизнью. Они хорошая, крепкая семья, для посторонних уж точно. Порой любят друг друга, порой ненавидят – это нормально. А развод или попытки решить, куда двигаться дальше – это слишком проблематично. В последний раз глубоко затянувшись, Сергей сжал окурочек в пальцах и выбросил в пепельницу. Принял душ, поужинал и лёг, не дожидаясь Тамары: она решила посмотреть какой-то фильм в гостиной. Его жизнь была простой и понятной, ни к чему усложнять...

Но сейчас, вновь глядя на Сергея и смятение, которое тот пытался скрыть, вчерашние мысли вернулись, вызывая безотчётный страх.

Занятия в кадетском корпусе подходили к концу, когда Никита остановился перед зданием, высматривая детей. Лёву заметил сразу – его макушка мелькнула в толпе, и вскоре он, не замечая ничего вокруг, умчался с друзьями в противоположную сторону. Алина появилась через несколько минут, в окружении друзей, что-то доказывая и размахивая руками: её школа стояла напротив. Никита смотрел на неё, задыхаясь от тепла, распиравшего грудь.

– Она твоя точная копия! – Света смотрит на спящую под боком дочь, нежно улыбаясь. Крохотное личико, тонкие черты лица, слегка смазанные младенческой полнотой, каштановые прядки и аккуратная родинка под губой. Кончиком пальца Света едва касается её, боясь разбудить малышку. Никита, лежащий за спиной Светы, осторожно поглаживает её плечо, изредка целуя, боясь вздохнуть слишком громко. Счастье распирает изнутри, душит, и хочется зажмуриться, вжать его, влить в себя и сохранить навечно. При взгляде на собственное крохотное продолжение дрожит каждый нерв, каждая клетка – Никита никогда не думал, что можно так сильно любить кого-то.

Нежные касания по плечу, предплечью, от локтя к запястью – он гладит Свету неведомо, боясь сжать и причинить боль. Боясь, что она рассыплется на сотню, тысячу крохотных осколков. В ушах до сих пор звучат её крики, хотя прошло уже несколько дней. Сердце до сих пор сжимается от страха за её жизнь, в памяти – мольбы: только бы с ней всё было хорошо. А дети... Да Бог с ними, с детьми.

Но сейчас он смотрит на живое, реальное свидетельство их любви, смотрит и не может наглядеться. Одновременно боится – коснуться, взять на руки. А вдруг что-то сделает не так? Только и может, что смотреть через чужое плечо и не дышать.

– У неё родинка точь-в-точь как у тебя, – шепчет Света.

Его пальцы чертят кривую линию по спине к ягоднице, слегка надавливают, безошибочно находя место, где находится небольшая родинка, которую он так любит целовать.

– Эту я пока люблю больше.

Света поворачивается к нему, мягко улыбается, кончиком пальцев касаясь родинки под его губой.

– А я – эту. Интересно, сколько сердец разобьёт Алинкина.

– Я не разбил ни одного. – Никита вдавливая её в кровать, накрывая собой. Алина тут же хныкает, тихо, сонно, давая понять, что внимание мамы нужно именно ей, а не какому-то непонятному папе.

Никита взмахнул рукой, когда она заметила его, и несколько секунд с замиранием сердца следил, как приближается слишком довольной улыбающаяся дочь.

– Тебя выпустили с работы? – она тряхнула головой, смахивая каштановую чёлку в сторону, и сверкнула болотно-серыми глазами.

– Никому не говори, – Никита склонился к ней, доверительно шепнув на ухо: – Я сбежал.

– Разве так можно? – тут же округлила глаза Алина.

– Если очень сильно захотеть. – Никита улыбнулся и растрепал уложенные волосы на макушке.

– Ну па-ап, – тут же недовольно протянула Алина, но не отошла. Улыбнулась шире, послала торжествующий взгляд подругам, завистливо перешептывающимся в стороне.

– Как дела? – небрежно поинтересовался Никита, засовывая руки в карманы. Пальто хлопнуло по ногам, солнце отразилось в массивных часах.

– Порядок. – Алина прищурилась, глядя в небо, и вдруг стала слишком серьёзной. – Вы с мамой поругались?

– С чего ты взяла?

– Среди учебного года нас редко отправляют к бабушке с дедушкой. А ещё, – она вздохнула, – вы почти не разговариваете. Значит, поругались.

– Это так заметно? – Никита почесал затылок, улыбнулся неловко.

– Пап, я не слепая. – Алина укоризненно взглянула на него и упёрла руки в бока. – Так что, я права?

– Мама ещё ничего тебе не сказала, да? – обречённо вздохнул он, кладя руку на её плечо и уводя со школьного двора.

– Сказала что? – насторожилась она.

– Мы пока что решили пожить отдельно. – Он замер, ожидая реакции, осторожно спросил: – Тебя это пугает?

– Не знаю, – после непродолжительного молчания ответила Алина. – Должно?

– Не знаю, – в тон ей ответил Никита и тихо вздохнул. – Просто хочу, чтобы вы знали: на вас с Лёвкой это никак не отразится.

– Звучит так, как будто вы решили развестись. – Алина замолчала и вдруг громко шмыгнула носом. – Я люблю тебя, пап.

Никита приподнял подбородок двумя пальцами. Сощурил глаза.

– Хочешь, пойдём и съедим две порции сладкой ваты?

– Я уже взрослая, пап. Какая вата? – Она посмотрела на него, как на ребёнка, укоризненно склонив голову набок.

– Взрослая? – Никита обескураженно посмотрел на неё, моргнув. – Надо же, а я и не заметил, как ты выросла. Тогда, – он легко поднялся и протянул руку, – может, сходим выпьем кофе в новой кофейне? – И тут же добавил с лёгкой хитринкой: – Говорят, там подвешивают вату прямо над кружкой.

– И что? – Алина подхватила его под руку.

– И она тает, капая прямо в кофе. – Никита выдохнул, слабо сжал ладошку. – А потом сходим в зал. Хочешь, я тебя потренирую?

Никита давно не находил времени на тренировки с детьми, а ведь когда-то сам водил Алину на карате. Прежде они подолгу спарринговали, он учил её новым приёмам, радовался успехам... Может, теперь самое время навёрстывать упущенное...

Глава 7

Света мерила шагами гостиную: дети должны были вернуться с минуты на минуту. Речь была подготовлена, фразы выверены до миллиметра, только проще не становилось. Ей всё ещё было холодно: внутри, тем леденящим холодом, от которого некуда скрыться. Она чувствовала себя глубоко больной, только излечить это простым прикосновением не получалось. Холод шёл из глубины души, леденил глотку – даже странно, что из горла не вырвались облачка пара.

– Алина, ты почему одна?! А где Лёва? – Света метнулась к дочери, но замерла, наткнувшись на такой знакомый взгляд в чужих глазах. Будто Никита смотрел прямо на неё, осуждая.

– Ты всё испортила. – Разувшись, Алина прошла в дом, толкнула плечом, проходя на кухню. – Ты выгнала папу из дома. Теперь довольна?!

– О чём ты... – растерявшись поначалу, Света быстро взяла себя в руки. – Что за глупости! Никто не выгонял папу, с чего ты взяла?

– Я видела его сегодня! Он сказал, что теперь вы живёте отдельно! Мам! – голос зазвенел, Алина зло смахнула слёзы. – Как ты могла?!

– Что ещё тебе сказал папа? – ледяным тоном спросила Света.

– Ничего! Он ничего мне не сказал, но я не глухая и не слепая! Я выросла, мам, а ты не заметила! Думаешь, я не слышала, сколько ты на него кричала, как ты хотела, чтобы он ушёл? Теперь довольна, да? Довольна?!

Сорвавшись с места, она промчалась по коридору и хлопнула дверью в свою комнату. Света попыталась вздохнуть, подавилась воздухом, протолкнула в глотку вместе с острым комком. Прижала ладони к горлу – сердце колотилось между ключиц. Дочь умело надавила на все болезненные точки, но разве Света имела право злиться на неё? Слабость разлилась под коленями, вынуждая опуститься на стул. Щёки пульсировали, и, приложив к ним ладони, Света с удивлением почувствовала слёзы. Спешно их смахнула: вернулся Лёва.

– Мама? – он склонил голову набок, и снова по сердцу полоснуло острым – ещё одна копия мужа. – Что случилось? Ты что, плачешь?

– Нет. – Света даже помотала головой для надёжности, пока слёзы текли безостановочно, капали на раскрытые ладони, лежащие на коленях.

– Это папа, да? – моментально подобрался Лёва, хмуясь серьёзно, слишком серьёзно для десятилетнего ребёнка. – Он опять что-то сделал не так?

– Нет, – попыталась улыбнуться Света, но губы задрожали и скривились, выпустив первый тихий всхлип.

– Не плачь, – Лёва обнял порывисто, крепко, утыкаясь в грудь. – Не плачь, мамочка.

Света судорожно обняла его, зажмурилась, целуя светлую макушку, прикусила губу, заполняя рот металлическим привкусом.

– Мы с папой пока поживём раздельно, – хрипло прошептала и замерла. Лёва тоже застыл, но в следующую секунду обнял ещё крепче, проговорил приглушённо:

– Я всегда буду рядом. Никогда от тебя не уйду.

Потом выпрямился, всё ещё хмуя брови, упрямо вскинул подбородок и посмотрел на Свету.

– Папы всё равно никогда не бывало дома, да? Ничего не изменится.

Хотелось что-то сказать. Сказать, как сильно она любит его прямо сейчас, в этот момент. Но Света не могла доверять собственному голосу, поэтому только кивнула и растрепала торчащие в разные стороны пряди. Когда Алина вышла из комнаты, стол уже был накрыт и Лёва, болтая ногами на высоком стуле, рассказывал о том, как прошёл день. Не оборачиваясь, Света мешала салат и не остановилась даже когда дочь встала прямо за спиной.

– Прости, – глухо проговорила она. – Прости, что накричала. Я понимаю, тебе тяжело. И папе тоже тяжело.

Медленно отложив в сторону ложку, Света обернулась и улыбнулась, светло, мягко.

– Я не злюсь. Правда. – Обняла, притянула к себе, чувствуя, как резко расслабились плечи Алины, и вся она вжалась в неё с такой силой, что затрещали рёбра.

– У нас всё будет хорошо, – всхлипнула Алина и тут же выпрямилась, стыдась прорвавшейся наружу слабости. – Папа так говорит, значит, так и будет.

Ей он когда-то тоже постоянно говорил «всё будет хорошо». Улыбка померкла, Света кивнула и повернулась к салату, гася вспышку раздражения. Никита умеет быть обходительным, правильным, ласковым. Когда-то точно умел, а теперь с ней разучился. Беззвучно вздохнув, Света повела плечами, сбрасывая лишние мысли, и, подхватив салат, бодро воскликнула:

– Ну что, давайте ужинать?

Дома было холодно и пусто, тени скользили по стенам, резные, прочерченные светлым. Никита разулся, щёлкнул выключателем, прошёл на кухню. По пути заглянул в магазин и теперь доставал продукты, привычно сортируя овощи, рыбу, мясо и рис. Готовить не было никакого желания, но диета из алкоголя всё же непозволительная роскошь в его возрасте. В желудке одиноко плескался кофе, выпитый днём с Алиной. Тепла от этой встречи хватило на час, а потом снова стало холодно. Игнорируя удивлённые взгляды бабушек, сидящих на лавочке у подъезда, Никита невозмутимо смотрел прямо перед собой, делал вид, что не слышит чужих мыслей, проступающих на лицах: он шёл в старую квартиру, держа в руках бумажный пакет, из которого торчал хвост лука-порей. Ещё день, другой, и по городу разползутся слухи, ударят больно и по Свете, и по детям. И у него не было ни сил, ни желания придумывать истории и искать какие-то оправдания. Люди расходятся, это бывает.

Вскоре квартиру заполнил аромат жареной рыбы, забулькал рис, острый запах свежих овощей защекотал ноздри. Никита нарезал огурцы, ровно столько, сколько съест за один раз, выкладывал их на тарелку к уже порезанным помидорам и косился на лук, вспоминая, зачем вообще решил его купить. Пожалуй, стоит купить телевизор, чтобы хоть кто-то разговаривал за спиной, а пока он включил старенькое радио, и тихий, потрескивающий голос поплыл по кухне. Почти уютно.

Завтра их ждали в гости Лёша и Настя, и ему очень хотелось отказаться. Язык так и чесался, в голове тут же вспыхнули, чтобы моментально погаснуть, несколько причин – это было важно для Лёши, и важно, чтобы они пришли вдвоём. Он так и светился от счастья и хотел поделиться им с близкими друзьями, хотел отпраздновать в узком кругу скорое назначение. Оставалась слабая надежда, что Света откажется. У неё не меньше возможностей придумать повод. Надежда была, но Никита знал, что этот вечер им всё же придётся провести вдвоём. В непосредственной близости, не обращая внимание на всю боль, которую они заставляли друг друга чувствовать. Что ж, по крайней мере будет повод рассказать обо всём Лёше. Глубоко вздохнув, Никита потёр переносицу и перевернул рыбу. Наверное, стоит зайти завтра в больницу. Или всё-таки просто написать сообщение? Так было бы проще, но всё же придётся сказать лично: о каком вечере вместе может идти речь, если он даже видеть её не хочет? Аккуратно переложив рыбу на тарелку, Никита сел и посмотрел в окно. Сколько таких вечеров, одиноких, пустых он провёл в этой квартире? Кто мог подумать, что всё это вернётся? Почему никто не предупредил, что можно терять, не теряя по сути? Света была здесь, была близко – в нескольких минутах езды. А он не мог на неё смотреть, не мог о ней думать, не мог дышать одним воздухом, не начиная задыхаться. Не стоило им начинать. Пусть бы осталось как есть, с тайной, щемящей влюблённостью, с недозглядами, недокасаниями. По крайней мере тогда они бы остались друзьями. Теперь он даже определения дать не мог: бывшие? Звучало слишком горько. Поморщившись, Никита потянулся наконец к вилке – завтрашний день просто надо пережить.

Глава 8

Спокойный сон и раньше был непозволительной роскошью, теперь, кажется, ушёл окончательно. Никита забыл, когда вообще спал нормально, когда открывал глаза, не засыпанные песком, и просто валялся в кровати, потому что никуда не надо идти. Встреча со Светой... Мысли о ней выворачивали наизнанку, лишая последних крох покоя. Чтобы не изводить себя до обеда, Никита отправился в больницу утром, решив покончить со всем неприятным, чтобы готовиться к не менее неприятному вечеру.

Слабый запах лекарств, сильный – крови и боли, суeta в приёмном отделении и медсестра у стойки регистрации – он не был здесь слишком давно. В последний раз, кажется, года два назад, на открытии очередного отделения. Может, поэтому его появление произвело такой переполох, а может, все уже знали о том, что они со Светой расстались, и теперь гадали о причине, заставившей прийти.

– Светлана Борисовна в кабинете, – тут же сказала медсестра, а ведь Никита даже не успел открыть рот.

– Спасибо, – кивнул он. Спина горела от чужих взглядов, но никто не посмел и слова сказать, пока он шёл по коридору к лестнице. Может, стоило зайти через окно, по пожарной лестнице, тогда слухов было бы меньше, но отчего-то не хотелось. Когда-то он слишком часто приходил к ней именно так, небрежно запрыгивал на подоконник и тихо говорил: «Привет!», заставляя Свету подпрыгивать на месте. Её кабинет был изучен от и до, и мест, где они бы не занимались в нём любовью, не осталось. Стол, пол, подоконник и тахта... дверь, к которой он прижимал её, едва успевая повернуть ключ в замке – Никита остановился перед ней и несколько раз глубоко вздохнул, отгоняя видение улыбающейся Светы, поднимающейся навстречу. Постучал, дождался ответа и только тогда зашёл, сухо кивнул.

– Что-то случилось? – спросила Света вместо приветствия. Она стояла у окна, в руках чашка с дымящимся чаем, белый халат наброшен на плечи. Бросила короткий взгляд через плечо и снова отвернулась.

– Лёша и Настя ждут нас сегодня к себе. – Никита тоже решил покончить со всем как можно скорее. – Хотят отпраздновать назначение.

– Было бы чему радоваться. Ты пойдёшь?

– Да. – Он продолжал стоять у двери, до Светы несколько шагов и целая пропасть, и всё же её усталость ощущалась кожей, плыла в воздухе, смешиваясь с его. – Если хочешь, скажу, что ты занята.

– Отлично, – едко бросила Света, оборачиваясь. Луч скользнул по её волосам, зажёл горчично-медовым, нырнул в кружку и на щеке тут же заплескались солнечные блики. Высветил тени под глазами и покрасневшие капилляры белков, горькую складку губ, тонкую морщину на лбу. – Хочешь, чтобы Лёшка подумал, будто мне всё равно? Будешь рассказывать о том, какая я плохая, как я разрушила семью?

– Ты сделала бы также, если бы пошла одна?

Света криво улыбнулась, поставила кружку на стол, обошла его и прислонилась, скрестив руки на груди.

– Как всегда: задаёшь вопрос, ответ на который в любом случае выставит меня сволочью.

– Свет, – устало вздохнул Никита, потирая переносицу, и прикрыл глаза. – Может, не стоит начинать?

– Начинать что? – тут же взвилась она. – Что начинать, Никит?

– Ты придёшь или нет?

– Приду!

– Отлично. Тогда встретимся в семь у дома Лёши.

Он не стал дожидаться ответа, стремительно вышел, подавив желание хлопнуть дверью. В коридоре маячили несколько врачей, которые тут же сделали вид, что крайне заняты изучением одной карты на пятерых. Глядя прямо перед собой, Никита прошёл мимо и медленно начал спускаться по лестнице, хотя больше всего хотел сорваться на бег. Несколько фраз, а всё спокойствие, выстраиваемое с раннего утра, разорвано в клочья.

– Никита Сергеевич! – Лёша ждал под офисом. – Надо же, не опоздали.

– Не опоздал? Досадно. – Никита прищурился на слишком яркое солнце, глаза тут же заслезились, вынуждая моргнуть. – На самом деле партнёров лучше не заставлять ждать.

– Нудные старики, – проворчал Лёша и тяжело вздохнул. – Чем больше узнаю, сколько работы меня ждёт, тем меньше хочу занять ваше место.

– Отступать поздно, ты же знаешь. – Задрав голову, Никита посмотрел на возвышавшееся над ними здание и пробормотал: – На самом деле я тебя отлично понимаю.

Они освободились только через три часа, и Лёша, довольный, что на сегодня у него больше нет никаких дел, собрался перекусить, но перед тем, как уйти, спросил:

– Вы же придёте сегодня, Никита Сергеевич?

– Придём, – проглотив тяжелый вздох, ответил Никита. – В семь?

– В семь. – Лёша широко улыбнулся. – Отличная новость, Настюха обрадуется.

– Разве мы когда-нибудь отказывались?

– Ну, мало ли, – смутился вдруг Лёша, отводя глаза. – Знаете, по городу всякое болтают...

– Правда? И что же?

– Да ну их. Главное, что вы придёте. Мы будем ждать!

Никита проводил его взглядом до поворота, подумал: он обязательно справится. Не повторит его ошибок. Может, его ошибка была в том, что слишком ответственно подошёл к работе? Но разве мог иначе, особенно тогда, после войны? Сейчас мирное время, никто не будет требовать от главного архитектора решать множество проблем прямо здесь и сейчас, наплевав на сон, еду и семью. Лёша так долго мечтал об этом, что наверняка будет радоваться каждому дню, проведённому в ненавистном Никитой кабинете.

— Ты боишься?

Света прижимается затылком к его плечу, перебирает его пальцы, лежащие на её животе.

– Не знаю.

Никита и правда не знает. Была бы возможность отказаться – сказал бы нет. Но выбора никто не дал, просто поставили перед фактом. У него есть Света, которая верит в него, которая будет рядом.

– Я тоже боюсь, – признаётся она задумчиво. – Боюсь, что слишком молода для должности главы целого отделения.

– Ты справишься, – тихо шепчет Никита, мягко целуя её в макушку.

В лесу влажно, тихо. Они сидят в траве: он – прислонившись к стволу, она – удобно устроившись между его ног. Спрятались от всех, кто ходит, радуется и поздравляет, дико от них устали. Хочется просто побыть вдвоём, но даже дома находят. А ещё – скоро свадьба, и это тоже изматывает.

– Давай сбежим, – жалобно просит Света, прикрывая глаза. – На пару лет. За это время они успеют найти и нового главного архитектора, и нового главу кардиологии, а мы просто будем вдвоём.

Никита шумно, тяжело вздыхает, тянет несмешливо:

– Не знал, что ты можешь быть такой безответственной, Лучик. Не стыдно, м?

– Кто бы говорил об ответственности и стыде, – сонно ворчит она, – человек, расхаживающий голым по дому?

– По своему дому. И тебе это нравится.

– Я пошутила тогда.

– Да ну? Хорошо, больше не буду.

– Только посмей.

Довольно хмыкнув, Никита тоже закрывает глаза, обнимает её крепче, притягивая к себе.

Глава 9

Вечером похолодало. Ветер загудел, понёсся по улицам, поднимая пыльные тучи, срывая лепестки с цветущих деревьев. Стоя у дверей, Никита рассматривал свои начищенные до блеска ботинки, раздражённо думая: она специально опаздывает, или действительно что-то задержало? Наконец Света появилась в самом конце улицы, увидела его и ускорила шаг.

– Прости, была срочная операция, – запыхавшись, быстро проговорила она. – Давно ждёшь?

Хотел сказать: давно, решил, что не стоит усугублять. Да и разве пятнадцать минут – большое опоздание?

– Нет. – Посмотрел на её малиновое пальто, отметил – не успела зайти домой, переодеться. – Пойдём?

Лёша и Настя встречали их у дверей и так приветливо и настороженно улыбались, что становилось не по себе. Лёша постоянно ерошил рыжие волосы и щурил голубые глаза. Выше Насти на полголовы, он казался рядом с ней, миниатюрной брюнеткой, незыблемой горой. Проводив их к столу, Настя засуетилась, поправляя идеально ровно лежащие приборы и бросая нервные взгляды на Лёшу. С самым беззаботным видом тот открывал вино, расхваливая успехи старшего сына.

– Кстати, где он? И Полина?

– Сегодня они у Козловых. Прости, Настюх, у бабушки с бабушкой. А Лёва с Алиной? – он посмотрел на Никиту, но ответила Света.

– С няней.

Они сели напротив хозяев, стараясь не касаться друг друга, но вместе с тем слишком близко. Разговор никак не желал завязываться, тонул в обрывках фраз и неловком молчании. Погода, новости друзей, снова погода, успехи детей... Каждое слово выверено до мелочей, каждый жест осторожный, только бы не коснуться ненароком. Натянутые улыбки с трудом держались на лицах, напряжение сгущалось с каждой новой фразой. Никита отвечал односложно, Света – слишком живо. Настя краснела, а Лёша мрачнел с каждой минутой. Отчаявшись хоть как-то всех оживить, он улыбнулся и посмотрел на Никиту.

– Даже не верится, что я всё-таки стану главным архитектором. До сих пор кажется, что это шутка.

– Лёлик всю жизнь мечтал об этом, – мягко улыбнулась Настя и повернулась к Свете. – Я так за него рада! Свет, ты помнишь, что чувствовала, когда Никита Сергеевич занял свой пост?

– Помню, – ровно ответила Света, радуясь, что скоро перейдут к сладкому, а там и до завершения её мучений рукой подать. – Но лучше спроси у Никиты, как он радовался.

– Никита Сергеевич не хотел занимать должность, – рассмеялся Лёша. – Это все помнят!

– Ну, в цепях его никто не тащил, – Света небрежно пожала плечами. – Так что мог и отказаться.

– Очень своевременно говорить об этом, не находишь? – сухо ответил Никита, накладывая на тарелку тонкие, прозрачные пласты розовой рыбы.

– Действительно. Знаешь, Настя, я бы на твоём месте не радовалась так сильно, порой мечта может стоить слишком дорого.

– Ну, за меня не волнуйся, – хмыкнул Лёша, пряча беспокойство за беспечной улыбкой. – Я справлюсь!

– Главное – не в ущерб семье, правда, Никита? – Света повернулась к нему всем корпусом, вынуждая ответить на взгляд. Вздыхнув, он отложил вилку и слабо улыбнулся.

– Не всем дано иметь такую силу воли, как у Лёши, Света. Уверен, он сможет найти баланс между заботой о городе и Настей с детьми.

– Лёше повезло, что ты уходишь окончательно, толку от твоих советов было бы мало.

– Кхм, – Никита отвернулся, посмотрел на Лёшу и серьёзно сказал: – Всё, что я могу тебе посоветовать – чаще слушай жену. Она всегда знает, как лучше для вашей семьи.

– Отличный совет, жаль, что ты сам ему не следовал, – пробормотала Света достаточно громко, чтобы все услышали. Лёша с тревогой переводил взгляд с одного на другого, Настя нервно затеребила рукав блузки и робко улыбнулась.

– Свет, прости, что прошу, всё-таки ты гость, но поднос с чаем тяжелый. Ты не поможешь мне его принести?

Света вспыхнула, поспешно кивнула – только сейчас поняла, что всё это время говорила. Она забылась, была слишком резкой, но... Это ведь друзья, к чему скрывать от них правду? Выхватив тарелку из-под носа Никита, который едва успел отодвинуться, она поднялась и, прихватив свою, пошла на кухню.

– Значит, это правда? – тихо спросил Лёша, когда они остались одни.

– Что именно?

– То, что о вас говорят. Что вы со Светой... расстались?

Наверное, он никогда не привыкнет к этой фразе. Сколько бы ни услышал от других, сколько бы ни сказал сам себе. Плавнo подхватив подбородок большим и указательным пальцами, он задумчиво потёр гладкую кожу, всматриваясь в темнеющий за окнами сад.

– Проблемы бывают в каждой семье, – наконец проговорил он. – Надеюсь, что свои мы ещё сможем решить.

– Это хорошо, – шумно, не скрывая облегчения, выдохнул Лёша. – А то как представляю, что вы разводитесь...

– Кто разводится? – звонко спросила Света, останавливаясь в проходе. – Никита сказал, что мы разводимся?

– Нет, ты что, Свет, наоборот... – засуетился Лёша, подскакивая и освобождая место на столе.

– Не надо его защищать, он сам может за себя постоять. – Света прошла в гостиную, поставила поднос и невозмутимо принялась расставлять чашки. Они звякали о деревянную поверхность, едва не выскальзывая из дрожащих пальцев. Опустившись на своё место, Света сложила руки на коленях, улыбнулась. Больно, так больно стало в груди: ни вдохнуть, ни выдохнуть. Значит, он уже всё для себя решил? Так быстро? Это из-за утреннего разговора, или?..

Никита не собирался оправдываться за её решение. Не хочет об этом говорить – её право, но делать вид, что во всём виноват только он, тоже не станет.

– Ну что же ты молчишь? – сипло спросила Света – голос гнулся, от каждого звука сжималось горло.

– А что я должен сказать? – холодно поинтересовался Никита, разливая чай. Настя вернулась, села напротив, переглянулась с Лёшей. – Мы пришли порадоваться за Лёшу, может, поговорим о нём? Обязательно проверяй, занесли ли отчёты в компьютер. В архиве часто ленятся, лучше дёргать их раз в неделю. Я, кажется, уже говорил об этом, но лучше повторю, вдруг забудешь.

Щёки полыхали, Света чувствовала, как пульсирует каждая клетка под кожей, как краснота расплзается ниже, к шее. Никита только что отчитал её, небрежно отмахнулся, унизил и теперь сидит, как ни в чём не бывало, говорит о работе. Пальцы заскребли по атласу юбки, сжались в кулаки. Света стиснула челюсть с такой силой, что заныли кости, посмотрела на пиалу с чаем, представив, как плеснёт её прямо в его лицо. Медово улыбнулась и почти пропела:

– Это действительно очень полезный совет, Лёш. Ведь, например, Никита очень часто забывает обо всём, что ему говорят.

– Света, – низко одёрнул Никита.

– Разве я не права? Представляешь, Настя, недавно он забыл, что у Лёвы день рождения. Это я говорю, чтобы ты была готова. Работа превыше всего, да, Никит?

– Света! – Никита повысил голос и посмотрел на неё.

– А ещё будь готова к тому, что однажды вообще забудешь, как выглядит твой муж, ведь он переедет в офис, потому что отпустил всех помощников на праздники и решил сам готовить годовой отчёт для городского совета.

– Уверен, что Настя поймёт. К тому же, она не пропадает сутками в больнице, разбирая медицинские карты, поэтому у Лёши не будет необходимости задерживаться на работе, чтобы не возвращаться в пустой дом!

– Лёш, ты, главное, не отправляй вместо себя помощника, чтобы сходить с Настей в кино.

– Если бы я не прислал помощника, ты бы обиделась! Я не мог вырваться!

– А так я не обиделась, да? Спасибо за прекрасное свидание, учитывая, что оно должно было стать попыткой всё наладить!

– Настя, Лёша, прошу нас извинить. – Никита резко встал. – Полагаю, нам пора. Ты идёшь?

– Боишься, что останусь и расскажу больше?

Никита молча вышел, дошёл до двери и начал обуваться. Его трясло. Сердце и лёгкие взбесились: одно гнало кровь слишком быстро, другие – сжимались часто-часто, толкая воздух короткими злыми выдохами. Она унижала не только его – себя, и он не лучше, мог не отвечать, промолчать... Не мог. Слишком несправедливыми были её упрёки, слишком сильно пекла обида на то, что не понимает, никогда не понимала.

Света появилась, когда он обул второй ботинок. Выпрямившись, Никита исподлобья наблюдал, как она неловко прощается с Лёшей. Коротко отказался, когда тот вызывался проводить. Поблагодарил за ужин, снова извинился – механически, почти не задумываясь. Пропустил мимо ушей, не вслушиваясь, сбивчивые уверения, что всё в порядке. Надел пальто, не глядя в сторону Светы. Когда они ушли, Лёша несколько секунд смотрел на закрывшуюся дверь, потом шумно вздохнул.

– Поверить не могу. – Помолчал, плюнул горько: – Почему, твою мать?! – и пошёл в сад. Настя вздохнула, покачала головой и пообещала себе, что у них точно будет всё по-другому.

Глава 10

Ветер окончательно разошёлся, поздний час и погода разогнали и без того редких прохожих по домам. Никита шёл рядом со Светой, машинально приноравливаясь под её шаг, и душил в себе всё, что хотел высказать в доме Лёши. Свернул на дорогу, ведущую к дому – они жили недалеко, лишь тогда Света заговорила.

– Ты куда?

– Провожая тебя, разве не понятно?

– Зачем? Боишься, что не дойду?

– Пытаюсь соблюсти остатки приличий, если для тебя они ещё хоть что-то значат.

– Хочешь сказать, я опять всё испортила? – Света остановилась посреди дороги. Прекрасно понимала – он прав, но что толку теперь жалеть о сказанном?

– Не собираюсь тебе отвечать. – Никита повёл плечами, пытаясь стряхнуть придавившую тяжесть. – Пожалуй, ты права, я лучше пойду к себе. А ещё ты абсолютно точно была права, когда решила, что нам лучше пожить отдельно.

Он ушёл, Света не успела даже ответить. И тут же обмякла, как марионетка, которую повесили на гвоздь. От опустошения закружилась голова, мороз тонким узором затянул кожу. Обхватив себя руками, Света побрела к дому – страх, что это всё по-настоящему, пробрал до костей. Они действительно расстались. Не на время, кажется, навсегда.

Сквозь сон пробивались голоса, Света выплывала на них, но тут же проваливалась в плотную вату. Голова раскалывалась на части, её знобило, и только напоминание о том, что надо встать и покормить детей, заставило подняться. Потирая глаза, она села на постели, поморщилась – из окна лился слишком яркий свет. Снова потёрла глаза, разгоняя мутную сонную пелену, и тяжело вздохнула. Она чувствовала себя развалиной, жалкой и дряхлой. Стояла под душем несколько минут, тупо глядя в стену перед собой, долго чистила зубы, не глядя в зеркало, машинально причесалась, оделась и прикрыла глаза, заглядывая внутрь себя – никакой болезни не было. Только хроническая усталость и оцепенение.

– Мам, мы тебя разбудили?

Алина мыла посуду, Лёва чистил большой апельсин, и яркий цитрусовый запах щекотал ноздри. Может, благодаря ему, может, потому что дети улыбались, а Алина быстро поставила тарелку с омлетом, на душе стало теплее.

– Ты приготовила завтрак?

– Ага, – кивнула Алина и, дождавшись, когда Света начнёт есть, небрежно обронила: – Я сегодня иду тренироваться с папой. Ты же не против?

– Нет. Идёшь одна?

– Я не хочу. – Лёва упрямо вскинул подбородок и разломал апельсин, забрызгав соком весь стол. Оранжевые капли потекли по рукам, Света вздохнула и потянулась за полотенцем.

– Почему? – мягко спросила она, вытирая испачканные ладошки.

– Не хочу его видеть, – угрюмо проговорил Лёва, отворачиваясь. – Из-за него ты плачешь.

– Львёнок, от того, что мы с папой сейчас не вместе, он не перестал тебя любить.

– Папа сказал мне то же самое. – Алина вздохнула и закатила глаза. – Ладно, я буду к вечеру. А ты можешь сидеть и дальше обижаться непонятно на что. Пока, мам.

Она быстро чмокнула Свету в щёку.

– А у тебя какие планы? – Света потянулась через стол и взъерошила и без того растрёпанные волосы сына.

– Пойдём с ребятами на речку, Даня обещал показать, как научился запускать лягушек.

– Только сам в воду не лезь.

– Мам, я же не настолько дурной, чтобы купаться в апреле!

Света улыбнулась. Ей всегда казалось, что Никита в детстве был именно таким: упрямым, считающим, что знает всё лучше всех, со своими, одному ему понятными принципами.

– Лёва, – мягко позвала она, – не злись на папу. Или постарайся злиться меньше, – добавила, заметив, как брови сошлись в до боли знакомом жесте.

– Постараюсь, – вздохнул Лёва, засунул руки в карманы и вышел из кухни.

О том, что сама договорилась с Инной о встрече, Света вспомнила только к вечеру, когда подруга появилась на пороге. Вихрем влетев в дом, она задорно зазвенела пакетом, подняв его в воздух, и громко воскликнула:

– Девичник! Лобастая, только не говори, что забыла!

– Забыла, – не стала спорить Света. – Но это не значит, что откажусь.

– Только попробуй! Руслан остался с Игорем, это уже повод выпить!

С Инной не всегда было легко. Порой она пёрла напролом, не обращая внимание на возражения, и всегда делала только то, что хочет. Иногда Света завидовала ей, по-доброму, но всё же завидовала: лёгкости, с которой она шагает по жизни, невзирая на препятствия. Инне всегда всё давалось просто, проблемы решались по щелчку пальцев, с лица не сходила обворожительная улыбка. Сейчас рядом с ней Свете казалось, что она – мешок с камнями, серый, пыльный, одиноко стоящий в углу. Поэтому первые же слова, которые она произнесла, когда Света замолчала, удивили настолько, что на время онемел язык.

– Как же я вам завидую.

– Что?

Они сидели на веранде, закутавшись в пледы, и попивали вино. Неспешно – первые три бутылки приговорили, даже не заметив, пока Света рассказывала о крахе своей семейной жизни.

– Завидую я тебе, Лобастая, – тихо, задумчиво сказала Инна, положив подбородок на колени. Сумерки давно скрыли цветущую вишню у забора, но ветер заносил на деревянный настил розовые лепестки, и те собирались у ног мягкими волнами. – Всегда завидовала. У вас в семье так много... – она покрутила пальцами в воздухе, подыскивая слово, – огня. Я не про страсть сейчас говорю, или не только про страсть.

– Какая страсть, – махнула рукой Света. – Я, кажется, уже забыла, когда он до меня дотрагивался.

– Огонь, Свет, – повторила Инна, усмехаясь. – Даже сейчас вы ругаетесь, потому что любите друг друга. Когда не любят, не пытаются сделать больно, просто молча уходят. Когда всё равно, тебе просто всё равно.

– Ты так говоришь, будто Руслан тебя не любит.

– Не знаю. У нас дома всегда... тихо.

– Прости, но я плохо представляю ругающегося Руслана. – Света невольно улыбнулась. – Он такой спокойный.

– Спокойный. Слишком спокойный. Иногда мне кажется, что я вышла замуж за робота.

Света уставилась на неё, распахнув глаза: впервые слышала, чтобы Инна говорила что-нибудь подобное. Уж у неё-то точно всё было в порядке. Или всё-таки нет?..

– Знаешь, я ведь надеялась, что смогу его изменить, – горечь так и сочилась из неё, терпкая, застоявшаяся. – Думала: ничего страшного, что я, расшевелить его не смогу? Но это предел, Свет. Понимаешь, его эмоции, всё, что он показывает на людях – это действительно его предел. Можешь себе представить, каково это – жить с человеком, который толком не умеет выражать свои чувства? И даже не стремится это делать.

Глухо застонав, Инна уронила лицо в ладони и с силой сжала виски. Неразборчиво пробормотала:

– Как же мне хочется стереть с его лица эту улыбочку, ты бы только знала! Пусть бы хоть раз голос повысил, хоть раз приревновал... – Резко выпрямившись, она воскликнула: – Такое ощущение, что ему вообще на всё плевать!

– Инна...

– Что? Что Инна? Ты сидишь сейчас, плачешь, какой Никита плохой, а он так всегда на тебя смотрит, что дыхание перехватывает! Ты вообще можешь понять, какого мужика теряешь? – она засверкала глазами, переводя дыхание. Продолжила тихо: – Ты представляешь, как он тебя любит?

Глава 11

Поражённая Света не знала, что ответить. Незнакомка перед ней так мало походила на Инну, что стало страшно.

– Тогда после выпуска из института, – снова заговорила она быстро, боясь остановиться, стремясь выговориться, – все как с ума посходили. Ты со своим Никита – помню, как долго я пыталась принять, что вы вместе. Потом Серый с Тamarой – она так быстро его окрутила, наверное, он и опомниться не успел! Даже Настя наконец получила своего Лёлика. И Руслан... он был рядом, ходил за мной, улыбался. И я подумала: почему нет? Красивый, загадочный, не глупый. Почему нет, почему именно я должна остаться одна? Мои друзья, мои близкие – все вокруг были счастливы, и я попыталась...

Света молчала, от услышанного ей стало плохо. Где-то в животе заворочалось предчувствие чего-то неотвратимого.

– Он хороший. Он очень хороший, и, наверное, любит меня как может. И Игоря любит, но знаешь... Это всё равно, так равно, что хочется быть. У вас жизнь, а у меня – тишина и существование. Но может, я сама виновата. – Инна пожевала губу, глядя на сад, но на самом деле – куда-то глубоко в себя. – Может, это я не умею любить.

В тишине громко хлопнула дверь, заговорили дети. Света виновато улыбнулась и вышла на кухню, всё ещё слишком растерянная, чтобы сказать хоть что-то. Невозможно было поверить, что Инна, яркая, светлая, всегда цветущая, на самом деле всё это время жила... так. Что не говорила ничего и никому, медленно вяла, золотой цветок без солнца. Собственные проблемы на время потускнели, заслоняясь обидой за подругу. Когда Света вернулась, накормив детей и пригрозив Лёве, что просто усыпит его, если он сам не отправится в кровать, Инна как раз разлила очередную бутылку.

– Не бери в голову, – криво улыбнулась она. – Перепила, вот и несу всякий бред. Лучше скажи, что думаешь делать с Никитой.

– Не знаю. Но ты...

– Давай не будем, я серьёзно, Лобастая. У меня такое бывает, наверное, просто дошла до точки. Выговорились, стало легче. Так что с твоим браком?

Инна всем своим видом давала понять, что не хочет больше говорить о себе. Прятала глаза, злясь, что вообще завела этот разговор. Образ успешной и счастливой пошёл трещинами, и Инна с удовольствием взяла бы все свои слова обратно. Отец учил быть сильной, никогда не сдаваться, искать себя. Что бы он сказал, глядя на неё сейчас?

– Да что с ним, – Света вяло махнула рукой и снова завернулась в плед. Подтянула колени к подбородку, поёжилась, набрасывая на плечи успевшую остыть ткань. – Наверное, он подошёл к концу.

– Если ты это допустишь, ты будешь самой большой идиоткой. Я сейчас говорю совершенно серьёзно.

– Не знаю, возможно.

После вчерашнего вечера у Лёши, оставившего после себя новую порцию прожорливой пустоты, думать вообще не хотелось. Ни о прошлом, ни о будущем. Надо попробовать жить сегодняшним днём, а там... что-то разрешится. Пока Света даже представить не могла, как всё поправить, и совершенно не знала, хочет ли что-то исправлять.

– Как думаешь, Лёша устроит праздник в честь вступления в должность?

– Шутишь? – Света усмехнулась. – Не удивлюсь, если он уже снял ресторан ради него.

– Хорошо бы собраться всем вместе, – мечтательно протянула Инна. – Так давно не встречались...

– Да. Очень давно.

Инна вдруг фыркнула и подмигнула Свете:

– Вспомнила, Лобастая, как застучала вас с Никитой в туалете.

– Ничего ты не застучала, просто услышала. – Света покраснела.

– Мне было достаточно услышать, остальное в голове дорисовалось, – поиграла бровями Инна.

Друзья всё ещё не могут поверить, что они вместе. И Света всё ещё смущается тому, что Никиту, кажется, совершенно не смущает. Он свободно держит её за руку на виду у всех, поглаживая костяшки её пальцев. Склоняется к её уху, делая вид, что что-то говорит, на самом деле просто дышит, медленно обводит тёплым дыханием раковину и щекочет мочку, выпрямляясь, как только по коже начинают бежать мурашки. Да, Света смущается, но вместе с тем постепенно шалее, начинает плыть, нетерпеливо поводя ногами, сжимая их крепче.

– Лучик, ты покраснела, – шепчет наконец он, почти касаясь губами кожи. – Надо уметь держать себя в руках.

Она бросает в него возмущённый взгляд, но тут же замечает пятна зрачков, затопивших тёмно-серый. Медленно поводит большим пальцем по его запястью, прижимает вену, и в подушечку моментально врывается чужой пульс, стремительный, гулкий. Хитро улыбаясь, она выдыхает прямо на ухо:

– Просто ты не знаешь, о чём я сейчас думаю.

– Хм, и о чём же? – приподнимает бровь и свободной рукой тянется за пивом. Света зеркалит его жест, подносит горлышко к губам и медленно облизывает, прикрываясь от остальных ладонью. Кончик розового языка скользит по тёмно-коричневому стеклу, обводя каждую выпуклость, и шустро скрывается во рту. Сделав глоток, Света втягивает нижнюю губу, тут же выпускает, ставит бутылку обратно и моментально проваливается в его взгляд. Голова шумит, кружится, внутри всё то замирает, то начинает покалывать, крутить в самом низу живота. Не говоря ни слова Никита встаёт, делает вид, что осторожно обходит сидящих друзей, на деле – скрывая под сложенными перед собой ладонями эрекцию. Света выжидает минуту, другую, дожидается, когда все отвлекутся, и выskalзывает за ним.

Не сдержавшись, ахает, когда Никита выныривает из темноты и толкает к двери в туалет. Щёлкает замком за её спиной и тут же разворачивает, прижимает животом к холодной раковине, ведёт широко раскрытыми губами по шее.

– Все поймут, зачем мы ушли, – слабо выдыхает Света, ловя его взгляд в зеркале.

– Поймут, – соглашается Никита, прихватывая кожу и слабо втягивая её в себя. Упирается жёстким, твёрдым членом между ягодиц и неспешно скользит, массируя грудь. – Тебя сейчас это волнует? Если хочешь, можем уйти домой.

– Нет, – вырывается полустоном. Это сладкое, такое запретное и скандальное срывает крышу, снимает маски приличия. Никита задирает подол её платья, оставляя ожоги на бёдрах, сминает кожу сильными, уверенными круговыми движениями. Дёргает вниз трусики, тяжело дыша. Они падают вниз, Света переступает, шире раздвигает ноги, нетерпеливо оттопыривает зад. Ладонь Никиты ложится на её щёку, он поворачивает её лицо к себе, их языки касаются друг друга, не успевая нырнуть в рот. Второй рукой он возится со своими штанами, сквозь пульс, стучащий в ушах, Света слышит шелест его одежды. Распахивает глаза, смотрит на него, смотрит, не отрываясь, видит – сейчас у них одно безумие на двоих. Чувствует горячую влажную головку, шумно втягивает в себя воздух, когда он поднимает её ногу, придерживает под колено и целует, одновременно толкаясь в неё. Целует снова, не отпуская, двигаясь грубо, на грани, впиваясь в губы с такой силой, что они начинают ныть. Света отвечает тем же, стиснув края раковины, сдавленно мыча каждый раз, когда он задвигает до самого конца. Низ живота поджимается, почти больно, нервы, мышцы – всё скручивается тугим жгутом, оргазм пронзает слишком быстро, так хочется продлить,

замедлить. Никита не останавливается, только ускоряет темп, отпуская её губы и наклоняя над раковиной. Накрывает ладонью лобок, сдавливает, дразнит, теребит клитор, удерживая за бедро. Их тела звонко шлёпают друг о друга, Света кусает кулак, сдерживая стоны, крепко сжимает мышцы внутри, дрожит, кончая второй раз, и обессиленно прижимается лбом к медному крану, чувствуя, как бьёт в поясницу горячая струя.

– Вообще-то я имела в виду другое, – шепчет она хрипло, когда он вытирает её. Медленно выпрямляется, смотрит на него в зеркало.

– Пожалуй, это мы оставим на потом, – хмыкает Никита, успевший полностью одеться. Быстро наклонившись, он подбирает её трусики и кладёт себе в карман. – Дома верну.

– Ты... – Света вспыхивает, качает головой, пряча улыбку. Плещет холодной водой в лицо.

– Я что? – невинно спрашивает он.

Света не отвечает, открывает дверь и застывает при виде широко улыбающейся Инны.

– Разве это не женский туалет? – ехидно спрашивает она, глядя на Никиту.

– Хм, правда? – он смотрит на значок на двери, улыбается глазами. – Надо же, действительно. Прости, что тебе пришлось ждать.

– Ничего, это было недолго. – Инна усмехается, с вызовом смотрит на Никиту, и он возвращает усмешку, беря Свету за руку.

Глава 12

Собрание в городской администрации подошло к концу быстрее, чем ожидали Никита и Сергей. Единогласная поддержка Лёши, слова благодарности за работу Никите, обсуждение вопросов, связанных со вступлением в должность. Поэтому, когда они освободились, солнце ещё стояло в зените.

– Стоило через все пробки города ради удовольствия два часа смотреть на сонного мэра? Мы могли бы обсудить это всё в онлайн режиме.

Сергей второй день боролся с раздражением, кипел всю дорогу, глядя в проплывающие за окном дома. Неделью назад Тамара затеяла ремонт в Даниной комнате, сказала, что старый он уже перерос. Спорить Сергей не стал, к тому же, всегда полагался на неё в подобных вопросах, вникать в которые не было ни малейшего желания. А накануне собрания оказалось, что именно завтра привезут образцы краски для стен, и Тамара рассчитывала на помощь с её выбором.

– Я говорил тебе об этом собрании ещё два месяца назад, – спокойно ответил Сергей, как только возмущённая Тамара замолчала. – Дата была назначена сразу после того, как Никита заявил о желании уйти в отставку.

– Думаешь, я помню, о чём мы разговаривали два месяца назад? Лучше признай, что ты просто хочешь сбежать, как всегда, и спихнуть на меня нудную работу.

– Конечно, ты не помнишь, о чём мы говорили. Ты вообще быстро забываешь всё, что я тебе говорю. – Сергею совершенно не хотел спорить. Давно понял, что лучше молчать, позволяя выговориться, а потом уходить, пока не остынет. Но самое обидное было в том, что, зная способность Тамары пропускать сказанное мимо ушей, он повторял о собрании каждый вечер. И всё равно остался виноват.

– И так всё время! Постоянно перекладываешь всё на меня! Думаешь, мне будет просто выбрать нужный цвет, чтобы он соответствовал цветовой гамме твоего дома?

– Послушай, ты сама решила сделать ремонт, я считал, что у тебя есть план!

– Вот! Вот, опять: у меня есть план! У меня, потому что тебе плевать на это!

– Да потому что мне действительно плевать, какого цвета будут стены в детской! Твою мать! Это не выбор между жизнью и смертью! Это просто чёртова краска!

– Сергей... – Тамара сдвинула брови, крепко упёрлась руками в бока и надавила тяжёлым взглядом. Он закатил глаза – сейчас начнётся, но в этот раз не собирался выслушивать часовую лекцию о том, какой он отвратительный муж.

– Если бы ты прислушивалась к тому, что я говорю, то может и запомнила бы, когда мне надо уезжать! В этот раз вини только себя!

Не дожидаясь, пока Тамара откроет рот, он выскочил на улицу, на ходу надевая куртку. Куда угодно, только подальше отсюда. Второй этаж кафе у оживлённого перекрёстка прекрасно подошёл, к тому же сейчас было прохладно, и столики почти все были не заняты. Заказав кофе, Сергей выдохнул и попытался успокоиться. Но медленно плывущие по небу, подсвеченные розовым облака только раздражали своей безмятежностью. В Сергее сейчас даже крохотной капли этой безмятежности не находилось. Шумно выдохнув, он посмотрел вниз: весенний воскресный вечер выманил жителей из дома. Бегали дети, в кафе через дорогу хохотала компания и ворковала влюблённая парочка подростков. Разбирали лотки торговцы уличной едой, мимо которых как раз шёл одноклассник Димка с женой, добродушно ругаясь и отбирая друг у друга большую пачку чипсов. С другой стороны показалась Инна под руку с Русланом. Широко улыбнувшись, она помахала рукой и потянула Руслана за руку. Можно было прямо сейчас спуститься к ним, завалиться в какой-нибудь бар и попытаться расслабиться, но времени на отдых нет, завтра в семь надо быть в офисе.

Сергей наблюдал за одноклассниками с глухой, завистливой тоской. Смотрел на их улыбки и не мог понять, почему у него не так? Ему тридцать три, не восемьдесят. Почему тогда чувствует себя глубоким стариком, чьи развлечения, чья жизнь уже в прошлом? Инна мотнула хвостом, звонко рассмеялась, вызывая новый приступ тоски, занывшей застарелой, давно затянувшейся раной, которая дёргает в особо сырую погоду. Прагматизм в Сергее всегда говорил, что нет смысла жалеть о прошлом, но сознание порой жило отдельно, выстраивая предполагаемые цепочки, отменяя свершившиеся факты. Если бы их отцы тогда остались в живых, а не погибли в той жуткой лавине, если бы они не были тогда так раздавлены, оглушены и одиноки. Если бы он не поддался на горячие уговоры Тамары, заметив, как Инна кокетничает с Русланом... Так много если бы, не сбывшихся, оставленных позади, о которых нельзя думать. Сергей и не думал, знал – чувства к Инне были всегда. Не романтический бред, что-то настолько близкое и глубокое, что он принимал как данность. Она была частью его команды, частью его семьи, как и Димка. Вот только Димку он ни разу не целовал, ни разу не...

Окончательно разозлившись на себя, Сергей бросил последний взгляд на удалявшиеся пары и отправился домой. Чтобы с размаху врезаться в стену напряжённого молчания, сдобренного щедрой порцией возмущённого сопения. Ужинали молча, не глядя друг на друга, только Даня рассказывал о скором экзамене на синий пояс и хвастался, что победит Алину. В спальне легли как можно дальше друг от друга, мириться первым никто не хотел. Сергей не собирался извиняться за то, в чём не виноват, Тамара не желала признавать, что всё же виновата.

Раздражение копилось, накладывая стену из общих обид, о которых он думал, не переставая, всю дорогу. А теперь вышло, что зря вообще поругался с женой, эта поездка того не стоила. Щёлкнув крышкой потёртой зажигалки, Сергей коротко затянулся, выдохнул и затянулся снова.

Машина плавно маневрировала в густом потоке. Никита почти не прислушивался к рассуждениям Лёши о празднике, который он устроит через два дня, мог думать только о том, что встретит на нём Свету. В пятницу будет ровно неделя как они не виделись. Неделя, почему же ему казалось, что год, не меньше? Отпустив водителя, Никита решил пройтись, и ноги сами понесли знакомой дорогой, он опомнился только у поворота в их квартал. С трудом заставил себя свернуть к себе, не пытаться заглянуть, увидеть детей, узнать, как дела. Лёва по-прежнему не хотел разговаривать, с этим давно пора было что-то делать. Повесив пальто на сгиб локтя – потеплело, Никита пошёл к Академии – занятия закончились давно, но может, дети ещё там?

– Папа! – Алина заметила его первой, спрыгнула с качелей, на которых сидела, и подлетела, крепко обнимая. – Давно вернулся?

– Только что, – Никита тут же обнял в ответ, взъерошил макушку. – Как у вас дела?

– Ты придёшь на экзамен?

– Насколько я помню, он будет только через две недели. Ты заранее напоминаешь?

– Вдруг забудешь.

– Алин, я сам выбирал дату и сверял список необходимых приемов. Не забуду.

– Ты знаешь, какие приёмы обязательно выполнить?! Расскажи!

– Ну, тогда это будет не честно, не думаешь?

– А в чём тогда выгода иметь папу в городском совете?

– К тому времени я уже не буду в городском совете, – напомнил Никита, мягко отстраняя её от себя и всматриваясь в нахмуренное лицо. – Знаешь, я этому очень рад. Потому что мне не придётся тебя судить.

– Ты мог ещё и быть судьёй? – разочарованно протянула Алина.

– Мог, и тебе очень повезло, что не стал. Потому что судить пришлось бы непредвзято, и если бы ты прошла, нашлись бы люди, считающие, что я подсуживаю. А если бы не прошла, ты бы на меня обиделась.

Он улыбнулся, наблюдая за тем, как она задумалась, потирая переносицу. Уже взрослая, совсем скоро начнёт встречаться с мальчиками, а он столько упустил, толком не запомнил её детство. Все воспоминания достались Свете, и хорошие, и плохие. Сожаление о том, чего уже не вернуть, болезненным уколом впилося в сердце. И, будто ему было мало, между лопаток засвербело ощущение пристального недовольного взгляда. Обернувшись, Никита увидел Лёву, стоящего под деревом. Руки в карманах, в глазах вызов. Отпустив Алину, Никита подошёл к сыну и тихо сказал:

– Привет.

Лёва смотрел исподлобья, пристально изучая. Вздохнув, Никита присел перед ним, серьёзно посмотрел.

– Ты злишься на меня?

Не ответив, Лёва хмыкнул и вздёрнул подбородок, засунув руки в карманы почти по самые локти.

– Из-за того, что мы с мамой больше не живём вместе?

Кто бы знал, как сложно произносить это вслух! Господи, он вообще привыкнет когда-нибудь?!

– Мама из-за тебя плачет, – угрюмо процедил Лёва. В его глазах заблестели слёзы, губы начали мелко подрагивать.

– Прости, – тихо сказал Никита. – Иногда близкие люди причиняют друг другу боль, даже если очень этого не хотят.

– Ты не хочешь? – недоверчиво спросил Лёва, не удержав надежду в дрогнувшем голосе.

– Нет. – Никита вздохнул, посмотрел поверх его плеча за парой, пересекающей двор: отец пытался поймать убегающего сына, а, схватив за рукав, легко закинул на плечи под оглушительный довольный хохот. Хитро взглянув на Лёву, Никита подмигнул и кивнул: – Хочешь также?

Невольно заинтересовавшись, Лёва тут же повернулся и скривился:

– Я уже не маленький.

– Знаешь, мне тоже хотелось бы, чтобы кто-то покатал на плечах, – небрежно протянул Никита, поднимаясь.

– Правда?

– О, да. Спроси Алину.

– Соглашайся, – она подошла, улыбаясь, переводя довольный взгляд с отца на брата. – Я всегда любила, когда ты меня катал, – добавила смущённо.

– А меня ты не катал! – тут же насутился Лёва.

– Неправда, – мягко рассмеялся Никита, подхватывая его и одним движением усаживая на себя. – Катал, только ты этого не помнишь, – продолжил еле слышно.

Они шли домой не спеша, Лёва гордо смотрел на всех сверху вниз, крепко обхватив голову Никиты, но ни за что не желал признаваться, как ему это нравится. И то, как прохожие кивают и улыбаются, и то, как завистливо шепчутся одноклассники. Сейчас Лёва чувствовал себя почти счастливым, но, чем ближе они подходили к дому, тем больше он мрачнел, и на землю спустился вновь хмурый и насупленный. Света стояла у ворот и, быстро поцеловав детей, отправила их в дом.

– Давно освободился?

– Пару часов назад. – Никита проводил убегающих детей взглядом и посмотрел на неё. – Мы должны прийти вместе на праздник в честь передачи полномочий, не забыла?

– Забудешь тут, – усмехнулась Света. – Решил поиграть в заботливого отца?

– Ты о чём?

– Думаю, ты понимаешь, о чём. Появилось свободное время, и ты вспомнил, что у тебя есть дети? А потом что, опять пропадёшь?

– Свет, давай не будем сейчас выяснять отношения, – протянул Никита. – Или ты против того, чтобы я виделся с детьми?

– Нет, – быстро ответила она, – не против. Только... не давай им ложную надежду. У тебя это отлично получается.

Резко развернувшись, она быстро ушла. С тихим щелчком закрылась дверь. По пустой улице медленно брела собака, ветер гнал красный фантик от конфеты. Если кто-то и видел их, то явно поспешил скрыться до того, как заметят. Никита посмотрел на свой дом, попытался представить, что было бы, зайдя он внутрь. Вдохнул, разворачиваясь и уходя в пустую квартиру.

Глава 13

Лёша расхаживал по кабинету, горделиво осматриваясь, словно видит впервые. Наконец он остановился у окна, заложив руки за голову и счастливо рассмеялся.

– Неужели это правда?

– Подожди радоваться, – хмыкнул Сергей. – Ещё будешь ныть, что зря согласился.

– Меня не надо было уговаривать, – фыркнул Лёша. – Быть архитектором у меня в крови!

– Это точно, – кивнул Никита, поднимаясь с дивана, на котором до этого читал. – Пойдём, нам уже пора.

Зал был забит до отказа, все сотрудники администрации собрались здесь, чтобы поздравить нового главного архитектора. Вдохновляющая речь Лёши, несколько слов о том, как он рад принять должность, и зал потонул в аплодисментах. Никита стоял в стороне, рядом с пожилой Еленой Львовной, которая была в администрации, кажется, с самого её начала, и с нескрываемой гордостью смотрел на Лёшу. Кто бы мог подумать, что из того упорного, упрямого паренька вырастет такой толковый мужчина? Он уж точно не мог. Взгляд скользнул к Свете, стоявшей с детьми неподалёку. Она тоже была упрямой и упорной. Была, есть и всегда будет.

На церемонию Света пришла вовремя. Обняла Лёшу, поздравляя, тепло кивнула Сергею и едва заметно – ему. Дети помахали руками, но подходить не стали – пришла пора выходить. А сейчас они и вовсе раздувались от гордости, что стоят прямо рядом с городским советом. Никита приглушил улыбку, наблюдая за серьёзным сыном, и соскользнул взглядом на Свету. Красивая. Она такая красивая сегодня, яркая, живая. Платье в цвет глаз, волосы блестят, мягкие даже на вид, удержаться, чтобы не коснуться ненароком. Открытые плечи и руки и, о чудо!, кольцо на пальце. Надела. Почему?..

Он больше не мог на неё не смотреть, взгляд прикипел жадно, по плотному атласу, расшитому бледно-розовой цветущей вишней. По каждой выпуклости, каждой впадине, по гладкой коже плеч и предплечий к хрупким на вид, но таким сильным запястьям. И снова по ободку кольца, которое она будто выставляла напоказ, сложив руки одна на другую. Что она хотела этим сказать и, главное, кому?

– У вас второй медовый месяц? – прошептала Елена Львовна, склонившись к уху.

– М? – Никита вынырнул на поверхность. Звуки, запахи – сколько он отсутствовал, погрузившись в себя и сдобренные надеждой фантазии?..

– Я всегда знала, что это просто слухи, – продолжила Елена Львовна тихо, пока Лёша произносил речь. – Ты не такой человек, который развёлся бы. Убить и то проще. Так что, помирились?

Что он мог ей ответить, когда и сам не знал, куда и как двигаться дальше? Опустил глаза, неопределённо пожал плечами. Растерялся.

– Понятно, – зловеще процедила она и внимательно посмотрела на безмятежно улыбающуюся Свету. – Это серьёзно?

– Не знаю. – Никита буквально вытолкнул из себя слова, вновь посмотрел на её кольцо. Ему вдруг стало душно, каждый вдох через боль, и сердце внутри билось глухо, через силу. – Я... я ведь уже не нужен?

– Хочешь уйти? – показалось, или в её глазах он увидел... жалость? Кивнул, отступая за её спину. Он не раздумывал, направился в единственное место, где сейчас точно никого нет и сегодня едва ли кто-то появится. Место, что стало домом.

Впервые за несколько лет он спешил в кабинет без тревоги или раздражения. Пальцы подрагивали, пока поворачивал ключ в замке, кивнув паре знакомых охранников. Тишина здесь не была плотной, гул охватил всё здание. Вечером всё же придётся туда окунуться.

Прийти на праздник, отвечать на шутки о смене власти и шутить самому. Пережить этот день, а завтра уйти. На неделю, месяц, неважно... Никита замер.

– *Появилось свободное время, и ты вспомнил, что у тебя есть дети? А потом что, опять пропадёшь?*

– *Только... не давай им ложную надежду. У тебя это отлично получается.*

Обессиленно вздохнув, он медленно опустился в кресло, облокотился о стол и сжал виски в ладонях. Некуда ему бежать. Только не сейчас. Отчаяние пульсировало в крови, накрывало то холодом, то жаром. Света всё же надела кольцо, может, не всё так плохо?

– Как быстро бежит время.

Он резко вскинул голову, моргнул, проверяя – не показалось ли? Нет, это была настоящая Света. Стояла у двери, переминалась с ноги на ногу и слабо улыбалась.

– Что ты здесь делаешь? – голос треснул, подломился, сердце загрохотало почти под кадыком.

– Помнишь, как мы праздновали твоё назначение? – будто не слыша, продолжила Света, медленно приближаясь к столу. – Такие наивные были.

– Зачем ты пришла? – Никита выпрямился, удивляясь, как не хрустят от напряжения позвонки. Склонил голову набок, настороженно глядя на неё.

– Нам надо поговорить, – начала она твёрдо, в противовес мягкому, почти нежному касанию кончиков пальцев, погладивших стол. – О нас.

– Сейчас? – вырвалось нервно.

– А когда? Не вечером же. Не хочу ругаться при друзьях. Мне Лёши и Насти хватило.

– Так ты пришла разговаривать, или ругаться?

– В последнее время для нас это значит одно и то же.

– Это не только моя вина. – Никита откатился от стола, перекрывая Свете проход, не давая обойти за спиной.

– Я знаю. – Она присела на столешницу, скрестила руки на груди. Солнечный луч скользнул по кольцу и тут же пропал. – Мне тоже тяжело.

– Тогда почему мы всё это делаем? – спросил он тихо-тихо.

– Потому что дальше так продолжаться не могло, ты же понимаешь. Я выдохлась. Я сломалась. Я не справилась. Называй как хочешь, вини во всём меня, но я правда так больше не могу.

Её пальцы вжались в плечи так крепко, что проступили белые пятна. Света прикрыла глаза, пара слезинок тут же выкатилась из-под ресниц, побежала к подбородку.

– Лучик, – он оказался рядом раньше, чем смог подумать. Обнял, вытирая щёки. – Не плачь, умоляю.

– Это я во всём виновата, – всхлипнула Света, поднимая на него глаза. Блестящие, яркие, показалось, ослеп на миг, стоило взглянуть. – Я всё испортила, я...

– Неправда, – лихорадочно зашептал Никита, сцеловывая непрерывно катящиеся слёзы. – Неправда... мы оба... и я не должен был... надо было тебя слушать...

– Никита, – Света перехватила его запястья, отпрянула, ловя путанный сумасшедший взгляд, – не надо... нам не надо...

Он не дал ей договорить, потянулся к губам, легко освобождая руки – она не держала даже, пальцы тут же соскользнули с горячей кожи. Придерживая за затылок, не давая вырваться или возразить, он целовал её с жадностью, о существовании которой раньше даже не подозревал. Будто хотел съесть, прямо здесь и сейчас, широко раскрывая рот, проникая языком внутрь так глубоко, как может. Света ответила почти сразу. С тихим выдохом обвила голову, сдаваясь, прижимаясь всем телом сразу, нетерпеливо мыча в поцелуй. Ладонь Никиты с глухим стуком опустилась на стол, он почти уложил её на него, нависая сверху, заставляя вцепляться в его плечи, чтобы окончательно не упасть. Рывок, она уже сидит на столе, а его руки лихорадочно

поднимают подол платья, сбивая на талии, каменный член болезненно вдавливаясь в лобок. Света глухо застонала, выгнулась, подставляя шею, ключицы под короткие поцелуи-засосы. Застёжки одна за другой расходились под его нетерпеливыми пальцами, обнажая плоть, к которой он тут же склонялся, облизывая, втягивая кожу, шумно дыша через нос. Дыша ею.

Света завопилась с пиджаком, рванула и, не дожидаясь, пока он снимет, потянулась к рубашке. Похоть, чистая, незамутнённая никакими мыслями, охватила и её тоже, заставляя стягивать платье с плеч, оттягивать застёжки бюстгалтера, как назло отказывающиеся поддаваться. Только бы скорее прижаться к его полыхающей коже, потереться ноющими сосками, прикусить над ключицей. И снова губы к губам, глуша первый сдвоенный стон, выстраданный, болезненный. Никита сдвинул трусики вбок, вошёл сразу, не давая опомниться, заскользил, входя глубже, замер, тяжело дыша. Медленные, почти нежные движения сменились грубыми толчками. Света закинула руки за спину, крепко вцепляясь в край столешницы, чувствуя, как впиваются в бёдра его пальцы, когда он насаживает на себя снова и снова. Ловила его язык своим и тут же кусала собственные губы, удерживая короткие звонкие стоны, эхом разносящиеся по кабинету. Реши вся администрация по очереди сюда заглянуть, они не смогли бы остановиться. Никита сжал её колени подмышками, не давая двигаться навстречу, вколачиваясь в неё с такой силой, что стол скрежетал ножками по полу. Света покраснелась, от шеи к груди полыхнуло розовым, и Никита ускорился, не целуя больше, сосредоточив взгляд там, где соприкасались их тела. Замер на мгновение, ловя её первый спазм, и хаотично задвигался, напрягая шею, стискивая челюсть до хруста. Ещё несколько медленных, почти ленивых движений, и он остановился, прижимаясь влажным лбом к её плечу. Продлить хоть немного это чувство полного единения, когда две половины наконец становятся одним целым.

Мягко поцеловав куда-то под линию челюсти, он выпрямился и огляделся в поисках заброшенного куда-то испорченного бюстгалтера. Нашёл его у дивана и тихо хмыкнул. Проследив за ним взглядом, Света нахмурилась, выпрямилась и начала натягивать платье на плечи. Никита со вздохом отпустил её ноги, отстранился, подтянул штаны и наклонился за рубашкой. Они одевались молча, кидая друг на друга короткие взгляды. И только когда привели одежду в порядок, посмотрели прямо в глаза. Никита тут же потянулся к ней, бережно обхватил лицо руками, мазнул ресницами по щеке.

– Позволь мне вернуться, – прошептал тихо, поглаживая кончиком носа висок. – Прошу, Свет, хватит меня мучить.

– Не могу. – Она зажмурилась, помотала головой. – Не могу, Никит. Не сейчас.

– А я без тебя не могу. Дышать без тебя не могу. – Он прижал её голову к груди, к сердцу, яростно бившемуся прямо в её ухо. – Хватит, Лучик, прошу тебя.

– Это, – сипло начала Света, сбилась, попыталась сглотнуть, но только оцарапала горло. Судорожно вздохнула, протолкнула воздух в лёгкие, глухо продолжила: – Ничего не изменилось, Никит. Наши проблемы никуда не делись. И секс... он ничего не решает.

Десять ударов сердца он молчал, потом медленно выпрямился, руки повисли плетью вдоль тела.

– Зачем ты надела кольцо?

– Что? – она не сразу поняла его вопрос.

– Зачем ты надела кольцо? Если не собиралась возвращать всё?

– Чтобы все видели, что мы семья. Ты сам сказал, как нам важно прийти вместе.

– Вместе для других, – кивнул Никита, пряча сжавшиеся кулаки в карманах. Посмотрел остро: – А что для нас?

– Мы слишком долго обижали друг друга. Такое не забудешь за несколько дней. – Света слабо улыбнулась и потянулась к его щеке, но он отшатнулся. Сделал шаг назад.

– Ты не хочешь даже пытаться, – сухо бросил он. – Даже шанса не даёшь.

– Это и есть наш шанс. Ты не понимаешь, если мы сейчас опять сойдёмся, то в следующий раз расстанемся окончательно.

– Сейчас, выходит, не окончательно. – Никита горько хмыкнул и иронично бросил: – Мне следует поблагодарить тебя за надежду?

– Твою мать! Ты вообще меня слышишь?!

– Стараюсь, Свет. Не всегда выходит.

– Вот это я и имею в виду.

Света поправила подол и обогнула стол. Подхватила бюстгальтер, растерянно оглянулась, раздумывая, куда его деть: пришла с пустыми руками, карманов нет. Зло ощерилась и швырнула его в урну, стоящую у входа.

– Нам нужно время, – сказала, не оборачиваясь. – Если ты этого не понимаешь сейчас, то может, не поймёшь никогда.

– Я понимаю только то, что хочу быть с тобой и детьми! – прорычал Никита, стремительно переместившись к ней и хватая за локоть, чтобы резко развернуть. – Я хочу быть с тобой, тебе этого мало?

– Ты всегда хотел! – злобно крикнула она, вырываясь. – И посмотри, куда это нас привело!

– Чего ты хочешь от меня? Чтобы мы жили по разным концам города и встречались по праздникам? Это для тебя значит «время»? Как мы сможем что-то наладить, если не будем вместе?!

– Не знаю! – отчаянно воскликнула Света. – Не знаю, Никит! Каждая наша встреча заканчивается криком, хочешь, чтобы это видели дети? Они и так достаточно наслушались, хотя бы о них подумай! Нам надо успокоиться и всё обдумать. Это то, что я называю «время»!

– Мне не о чем думать, я люблю тебя.

– А я не знаю! Не знаю, люблю ли тебя до сих пор!

– Это... правда? – глаза Никиты широко распахнулись, он недоверчиво всматривался в её лицо, пытаясь отыскать намёк на ложь. Но Света не лгала и смотрела прямо, только нижняя губа дрожала, а в глазах снова искрились слёзы.

– Мне надо подумать, – с нажимом повторила она. Не в силах больше смотреть на него, выносить этот потрясённый взгляд она выскочила за дверь и побежала по коридору. Никита прислушивался к звуку её шагов, и даже когда они стихли, ещё долго стоял, глядя на закрытую дверь. Потом поднял подрагивающую руку и стянул с пальца кольцо.

Глава 14

Забитый до отказа ресторан гудел, выплёскивая крики радости на улицу. Казалось, здесь собрался весь город, а те, кому не хватило места, пили прямо перед входом, заскакивая внутрь за закуской. Никита пришёл последним, до последнего оттягивал, но проигнорировать праздник не мог. Последние два часа он просто сидел на смотровой площадке, бездумно смотрел на город и не мог заставить себя встать. В голове было пусто. Протяжный назойливый звон на самом дне сознания. Когда небо потемнело, а на улицах вспыхнули фонари, он вздохнул и тяжело поднялся, надеясь на то, что Света уже ушла.

– Никита Сергеевич, наконец вы пришли! – захмелевший, счастливый Лёша заметил его первым и теперь размахивал руками. – Мы вам тут место оставили, проходите!

Взгляд тут же впился в тёмную макушку, и Никита подавил вздох. Конечно, пустое место оказалось рядом со Светой. Если друзья хотели таким образом их помирить, то сделали только хуже.

Тамара тоже не стремилась на праздник – за годы она так и не смогла влиться в компанию Сергея. Её всегда встречали дружелюбно, но она всё равно чувствовала себя не в своей тарелке, так и осталась для них чужой. Поэтому, отправив Даню к Игорю, она с лёгким сердцем отпустила Сергея, а сама предвкушала приятный вечер в тёплой компании братьев, приехавших в гости на несколько дней. Сидя среди друзей, Сергей был максимально благодарен ей за это решение. Краткая передышка и возможность почувствовать себя по-настоящему свободным. Не тянуться под пристальным взглядом к бутылке, не контролировать то, что говоришь, не смущаться за своих друзей и их пошлые или примитивные, на взгляд Тамары, шутки. Он чувствовал себя счастливым, лёгким настолько, что мог взлететь к потолку и там зависнуть, глядя на всех сверху вниз.

– Серёг, ты чего так улыбаешься? – Димка ткнул в бок, и он едва успел удержаться от падения, вовремя подставив руку.

– Просто рад, что мы все собрались. Давно так не сидели.

– И правда, – задумчиво улыбнулся Димка. Тепло посмотрел сначала на него, потом на Инну, сидевшую напротив, и обнял Карину. Вдруг Лёша улыбнулся и с лёгкостью перекрыл царящий за столом шум:

– А давайте вспомним что-нибудь хорошее! Какие у всех вас самые лучшие воспоминания?

Вокруг все наперебой стали вспоминать что-то приятное, вытаскивать из памяти. Невольно покосившись на Свету, отметив её застывший в одной точке на столе взгляд, он подумал – у них это воспоминание одно на двоих.

Пыль хрустит на зубах, забивает лёгкие, висит в воздухе тяжёлыми клубами. По щеке мажет горячим – из рассечённой кожи льётся кровь. Света, прикусив губу, сосредоточенно зализывает неизвестно какую по счёту рану, пока он пытается дышать ровнее, не показывать, как больно. Закончив, Света тяжело вздыхает и только сейчас замечает разорванную щёку и глянцевый блеск. Укоризненно шепчет:

– Никита, ну чего же вы молчите?

– Это мелочи. – Он улыбается, скрывая беспокойство за неё – изнурённая, с провалами потухших глаз и тенями под ними. Зачем она вообще здесь, разве это место для прохождения практики будущих медиков? Пусть бы сидела в госпитале и ждала, пока их принесут... Он столько раз любовался ею, заглядывая. Приносил то букетик серых от пыли полевых цветов, то шоколадку. А она всё время улыбалась так, как сейчас – беспокойно, но счастливо.

Света аккуратно стирает кровь дрожащей ладошкой. Хмурит брови, застывая над порезом.

Никита прикрывает глаза. Спина упирается в обломок скалы, не будь её – он давно сполз бы прямо на землю. Ноет каждая клетка, каждая мышца и каждая кость. Сейчас он сгусток боли, и только мягкие, ласковые прикосновения удерживают, чтобы не потерять сознание. Не может он себе позволить такую роскошь, не может оставить её одну. Не сейчас. Не сразу понимает, что Света уже закончила и теперь накрывает ладонью щёку, мягко поглаживает. Глаза распахиваются, Никита ловит сосредоточенный, серьёзный взгляд, и не может произнести ни слова. Любуется ею, открыто, не таясь. Кончиками пальцев обводит контур скулы, спускается к подбородку, чертит ровную линию по челюсти к уху. Время застывает, пропадают звуки далёкой битвы, только оглушительно бьётся сердце, и дыхание обрывается так громко, что впору оглохнуть. Не встречая никакого сопротивления с её стороны, Никита пробирается к затылку, путает волосы, тянет её на себя. Глаза по-прежнему в глаза, но вот ресницы Светы вздрагивают, она прерывисто выдыхает и опускает веки.

Её губы сухие, обветренные, как и его. Привкус крови мешается со слюной, рука на затылке сжимается неожиданно крепко. Никита целует, не думая, зная – это его последний шанс, другого может уже не быть. Целует нежно, сминая её губы своими, сплетаясь языком. С трудом оторвавшись, прислоняется лбом ко лбу и шепчет:

– Я тебя люблю.

Воспоминание горчило, как настойка на степных травах. Печальная улыбка на губах Светы отразилась в его душе, взгляд опустился на нервно стиснутые руки. Кольцо она так и не сняла. Собственная рука показалась голой, большой палец постоянно скользил по безымянному, натываясь на непривычную пустоту. Никита беззвучно вздохнул и отвернулся, прислушиваясь к Генке.

Самое счастливое воспоминание. Сергей задумчиво улынулся: у него оно тоже было, похороненное в коробке с тем, о чём лучше не вспоминать. Он поднял глаза на Инну – просто потому что не мог не. И запнулся, подавился воздухом, проваливаясь в пристальный взгляд. Помнила, конечно, она помнила. Как потерялись в походе, как прятались от грозы в заброшенном домике, как он пытался залечить её ссадины, а вместо этого...

У Инны натренированная спина, неглубокая впадина позвоночника, талия, только с виду хрупкая, крепкие плечи. За нарочитой слабостью и яркой внешностью – гибкое тело спортсменки. Кожа светлая, почти белая. Не особо задумываясь, что делает, Сергей перекидывает свалывшийся золотой хвост через плечо, обнажая спину полностью. Инна застывает, почти не дыша: происходящее всё меньше напоминает заботу и всё больше – ласку.

Его дыхание едва задевает шею, от жара, исходящего от тела, кожа зудит колкими мурашками. Инна чувствует, как натягивается струна глубоко внутри, под диафрагмой. Это странно и одновременно приятно, волнующе. Она наблюдает за его рукой: длинные пальцы слева от бедра опускаются в миску, полощут платок, перебирая, и вода становится коричнево-бордовой. По-прежнему не говоря ни слова, он возвращается к спине. Ведёт по левой лопатке, вниз, иногда соскальзывая к животу. Снова и снова обводит рёбра под грудью. Испуганно поднимается вверх, к плечам, боясь, что переборщил. Смывает пыль, пот, кровь с плеч и предплечий. С сожалением поднимается, и Инне тут же становится холодно. Она не оборачивается, не двигается, почти не дышит, когда он возвращается со свежей водой. Вновь гладит уже чистую спину и нерешительно застывает у резинки лифчика. Задевает ту кончиками подрагивающих пальцев, обводит контур.

Сергей теряет от нахлынувших эмоций. Нереальное, сюрреалистическое настоящее. Томление, сжавшееся в животе. Слипшиеся лёгкие, не дающие вдохнуть нормально, полной грудью. От её запаха его ведёт: верхняя нота – дождь. Свежесть, смешанная со слабым запахом крови. Средняя – пот, персики и миндаль. И нижняя, последняя, глубокая, от которой начисто срывает крышу – сладковатый мускус и, неожиданно, магнолия. Цветок с восковой бледностью. Упругий с виду, нежный на ощупь.

Он всё ещё держит всё под контролем. Или ему это просто кажется. Гладит шею, слегка сжимая мокрый платок, отчего успевшие нагреться капли текут по груди вниз, теряются в ложбинке. Сергей невольно следит за каплями взглядом, сглатывает. Одна рука на шее, вторая неосознанно продолжает водить по тугой резинке на спине самыми кончиками пальцев. И вдруг Инна громко выдыхает. Тело моментально деревенеет, Сергей готов отпрянуть при первом же слове. Пока ещё можно неловко пощупать. Списать всё на стресс. На то, что слишком крепко приложило головой. Он готов отпрянуть, но не делает этого, застыл. Только сердце стучит так громко, гулко, ломая рёбра изнутри.

Рука Инны ныряет за спину. Сергей ждёт – сейчас отведёт его пальцы, сожмёт крепко, разразится ругательствами, выставит идиотом. Готов. Вместо этого, она касается крючков лифчика и дёргает их, пытаясь растянуть. Он мягко накрывает её пальцы своими, помогает. Резинка расходится с тихим щелчком металла о металл. Звук наждаком проходится по нервам. Инна ведёт плечами, и ляжки сползают к локтям. Ещё движение – лифчик летит в сторону. Она опирается о его колени ладонями, прижимаясь к груди. Откидывает голову на его плечо и закрывает глаза.

После были мечты о том, как расскажут отцам, которые мечтали их поженить, и тихий усталый смех, когда пытались представить реакцию Димки. Почему они тогда остановились, почему не пошли дальше? Сейчас сложно было найти окончательную причину. Слишком много тогда было всего, только успевай реагировать. Горло сжалось, под водолазкой запекло. Криво улыбнувшись, Сергей встал, вышел, на ходу доставая сигареты. Отошёл от входа, прикурил, глубоко затягиваясь. Хлопнула дверь за спиной, и надежда зажглась так ярко, что ослепила на миг. Это оказался Никита. Молча, он встал рядом, засунув руки в карманы.

– Вижу, твоё воспоминание тоже перестало быть счастливым, – устало произнёс он, глядя прямо перед собой.

– Нет, – Сергей снова усмехнулся, сизый дым хлынул из ноздрей, – оно всё ещё счастливое. Только... Жаль, что это в прошлом.

– Жаль, – эхом откликнулся Никита. Они ещё немного постояли, думая каждый о своём, потом Никита улыбнулся. – Удачи тебе с новым начальником.

Сергей закатил глаза и покачал головой – как раз в этот момент Лёша что-то громко закричал, и его крик подхватили остальные. Кажется, непредсказуемости и суеты в его работе прибавится в разы...

Глава 15

Когда они вернулись, количество бутылок увеличилось, а глаза заблестели ярче. Никита сел, стараясь не задеть Свету. Подобрался, почувствовав жар, исходящий от её разгорячённого тела, и потянулся к бутылке. Завтра ему, в отличие от многих собравшихся здесь, идти никуда не надо.

– Никита Сергеевич, спасибо за службу, – пробасил кто-то за спиной. Никита удивлённо обернулся, глядя на одного из сотрудников, которого он смутно помнил в лицо.

– Спасибо за службу, Никита Сергеевич, вы отлично справились! – крикнул кто-то из за соседнего столика.

– Никита Сергеевич, спасибо!

– Спасибо!

Голосов становилось всё больше, и вскоре каждый, кто сидел в зале, искренне благодарил Никиту. Кто-то начал вспоминать, что было сделано за эти годы. Кто-то – как Никита лично помог. И все как один сходились во мнении, что провожают на заслуженный отдых великолепного специалиста. Никита слегка растерялся – никогда не считал, что заслуживает благодарность в таких количествах. Он просто делал то, что велит долг, порой делал вопреки желанию, порой злился на свою работу. Но оказалось, что люди действительно видели то, как он меняет город, видели и ценили это. Когда поток благодарностей иссяк, Никита посмотрел на Свету: неестественно прямая спина, полыхающие щёки и странно блестящий взгляд. Желание обнять её, просто прижать к себе, позволяя взять себя в руки, стало таким осязаемым, что пришлось вновь потянуться к бутылке, только бы не касаться её, не выставить себя дураком в очередной раз. Слова, жестокие в своей беспощадности, звучали в голове каждый раз, стоило Свете заговорить.

Не знаю, люблю ли тебя...

Разве это возможно? Не быть уверенным в собственных чувствах? Никита честно пытался её понять, но не мог. Потому что в том, что она для него центр вселенной, знал всегда, с первого же раза, когда сердце быстрее забилося при встрече. Знал, что будет любить до последнего вздоха, так, как умеет. И когда она впервые сказала «люблю» не удержался от слёз. До конца не верил. Теперь, сидя рядом, он не имел права коснуться её руки, не имел права обнять и, тем более, не имел права снова заговорить о своих чувствах. Он стал ей не чужим – неудобным, человеком, который одним присутствием причиняет боль. Никита всё больше и больше понимал, что надо отступить. Как бы ни было сложно, уйти в тень, дать ту свободу, о которой она просит. Не пытаться стать ближе, просто жить, ожидая, что когда-нибудь она позовёт обратно. Он так устал быть нужным всем и вся, но сейчас оказался не нужен самому главному человеку. Потерянность оглушала, погружая в пустоту, помещая в комнату, из которой нет выхода. Одни стены вокруг, и никого рядом. Воспользовавшись тем, что все слишком увлечены разговором, Никита встал и тихо вышел, не прощаясь.

Света заметила. Не повернулась даже, просто почувствовала, как стало холодно. Пыталась подобрать слова весь вечер, надеялась снова поговорить, постараться объяснить, достучаться. Но каждая фраза звучала слишком обиженно, слишком болезненно. А ссориться не хотелось. Хоть раз поговорить нормально, без криков! Его первое признание в любви вспомнилось так некстати, и зачем Лёшка вообще это предложил? Ведь она помнила, помнила каждую мелочь, помнила, как затрепетала, когда он впервые её поцеловал. Как была оглушена, потеряна и одновременно счастлива. Как страх за собственную жизнь отступил, остался только страх, что это больше никогда не повторится. А потом он сказал «Я тебя люблю», и всё стало неважным. Сегодня Никита сказал то же самое, тогда почему она не нашла в себе и капли тех эмоций? Почему захотелось добить, растоптать, ужалить? Он пришёл без кольца, Света

заметила не сразу. Увидела и проглотила горький комок, подавилась отчаяньем. Если это был тот конец, который она так старательно приближала, то почему нет облегчения? Отчего-то она наивно ждала, что он заговорит первый. Повернется, спросит о чём-то неважном, просто попытается поддержать общий разговор. Но Никита демонстративно её игнорировал, даже Руслан и тот был больше вовлечён. Свете казалось, что у боли тоже есть предел, но когда же она дойдёт до своего? Когда перестанет каждый раз давиться непролитыми слезами, стоит им оказаться рядом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.